

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ 007

С е р г е й Д о н с к о й

**В РОССИИ ЖИТЬ
НЕ ЗАПРЕТИШЬ**

Сергей Георгиевич Донской
В России жить не запретишь
Серия «Капитан ФСБ
Евгений Бондарь», книга 13

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=280782
В России жить не запретишь: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13684-3*

Аннотация

Даже отдых может надоесть до чертиков. И когда капитану ФСБ Бондарю предлагают в одиночку отправиться в Чечню, он охотно соглашается. Ему надо разыскать там компьютер с секретными военными данными, похищенный у генерала Конягина и попавший к полковому командиру по кличке Черный Ворон. Но добыть компьютер – полдела, гораздо сложнее остаться в живых. Причем угроза исходит от самого генерала – ведь в его компьютере вся информация о финансовых хищениях. И генерал-оборотень посылает для уничтожения капитана вертолеты с полным боекомплектом. Уцелеть в такой ситуации невозможно. Но Бондарю приходилось бывать и не в таком аду.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	51
Глава 5	70
Глава 6	85
Глава 7	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Донской

В России жить не запретишь

Глава 1

Увидеть Париж и не умереть

Он выпил свой первый бокал вина «У Фуке» ровно в два часа пополудни и отправился дальше, не чувствуя ровным счетом ничего. Невозможно серьезно напиться во французском кафе.

Кто бросил крылатую фразу: «Увидеть Париж и умереть»? Слишком просто. Другое дело – провести в Париже неделю и не подохнуть от скуки. Выйдя на залитую солнцем маленькую площадь, он закурил и побрел дальше, лениво размышляя, чем заняться. Бесцельная прогулка. От завтрака в кафе «Пэ» и до бокала в бистро «У Фуке» минуло ровно пять часов. Столько же времени осталось до ужина. Жена поведет его в ресторан, который значится в ее списке, составленном с помощью путеводителя по городу. «Вефур», «Канетон», «Лука-Картон» и «Кошон д’Ор» они уже посетили. Сегодня их ждет трапеза в «Мишелине», «Тур д’Аржане» или

даже в «Максиме». Они могут себе это позволить. У них медовый месяц и уйма денег. «Вернее, у моей жены уйма денег», – поправился он, после чего сигарета загорчила до такой степени, что ее пришлось выбросить в урну.

Если уж просаживать деньги в Париже, то собственные. Протянуть жене меню и карту вин, небрежно произнести: «Можешь выбрать все, от чего женщины моментально становятся счастливыми и толстыми». Ей останется лишь засмеяться и воскликнуть: «Но я не хочу толстеть!» – «А быть счастливой?» Ответ утвердительный. Ради этой великой цели они и прилетели во Францию. Чтобы американка Лиззи Браво почувствовала себя счастливой.

Подавив горестный вздох, Бондарь свернул в направлении площади Пигаль. Какая разница, куда шагать? Лишь бы скорее вечер наступил, а за ним – ночь, когда перестанут донимать мысли о работе. Отпуск слишком затянулся. После лечения в госпитале Бондарю было приказано набираться сил и ни о чем не думать. Интересно, как себе это представляет начальство? Может быть, ему следует погрузиться в летаргический сон? В анабиоз? Упитья до потери памяти? Наглогаться снотворного? Легко сказать: ни о чем не думать! Если бы Париж не обманул ожиданий Бондаря, тогда еще куда ни шло. Но в этом городе давно не пахло мушкетерами, зато отовсюду тянуло алжирской парфюмерией, китайской кухней, марокканскими апельсинами, турецкими сладостями, индийскими пряностями. Любой мегаполис – это всегда

вавилонское столпотворение. Гибрид венецианского карнавала с восточным базаром. Париж?! С таким же успехом это мог быть Лондон, Стамбул или Нью-Йорк. Бондарь взглянул через дорогу на вереницы полированных иномарок, ослепительно блестящих на солнце. Повсюду одно и то же. Настоящее лицо города можно увидеть только в течение двух часов – между пятью и семью утра. Потом он тонет в ревущем потоке металла, с которым не способны соперничать ни старинные здания с черепичными крышами, ни широкие зеленые бульвары.

Зайдя в кафе, Бондарь сел в кресло и вытащил сигаретную пачку, когда приблизившийся официант вежливо предупредил:

– Здесь не курят, монсеньор.

– А пиво пьют? – осведомился Бондарь на умышленно плохом французском.

– Конечно, – сверкнул намечающейся лысиной официант. – Какое пиво предпочитает монсеньор в это время дня?

– Крепкую «Балтику».

– Простите?

– Это вы меня простите.

Сдерживая раздражение, Бондарь встал и пошел прочь. Официант не был виноват, что в кафе не завезли «Балтику» и что в заведении запрещалось курить. Париж не был виноват в том, что Бондарю надоело маяться от безделья. И все же, проходя мимо урны, он швырнул в нее смятую пачку

«Монте-Карло». Кажется, в Монако тоже говорят по-французски? Вот и пусть говорят. Что касается Бондаря, то его уже тошнило от французского языка и вообще от Европы. Зато у него появилась определенная цель. Отыскать в Париже табачную лавку, торгующую российскими сигаретами.

* * *

В половине восьмого, как следует угостившись вовсе не «Балтикой» и даже не сухим вином, Бондарь вошел в казино «Тиара». За столом для игры в рулетку сидело всего несколько человек, охваченных не столько азартом, сколько скукой и дремой.

– Я могу сделать ставку? – спросил Бондарь у юркого человечка, который в эту минуту готовился бросить в вертушку шарик из слоновой кости.

– Да, вы, безусловно, можете сделать ставку, – важно ответил человечек.

Бондарь достал из кармана четыре жетона по сто евро и придвинул их крупье.

– На «красное».

Крупье составил жетоны аккуратной стопочкой, подправил их своей лопаткой и закрутил колесо. Не прошло и минуты, как обедневший на 400 евро Бондарь перешел в другой зал, где имелся надежды маленький оркестрик, троица симпатичных подсадных уток в сильно декольтированных

платьях и длинная барная стойка. За ней сидел на высоком табурете вдрызг пьяный мужчина, которого одна из «уточек» безуспешно тянула к игровому столу. Роли крупье исполняли здесь симпатичные девушки, одетые в одинаковые элегантные пепельно-серебристые костюмы с меховыми воротничками.

Бондарь намеревался попытать счастья в «блэк джек». Игра, очень похожая на знаменитое «очко». В детстве Бондарь частенько предавался этой забаве. Только тогда пацаны ставили на кон копейки или даже спички, а теперь предстояло рискнуть горстью фишек по сто евро каждая. Отпускные и зарплата Бондаря за два месяца. Четверть его личных сбережений уже перекочевала в кассу «Тиары».

Так держать! Серебристо-пепельная девушка, которую Бондарь окрестил про себя Чернобуркой, приняла ставку и распечатала колоду. Невозможно было понять, что она делает с большим профессионализмом: тасует карты, улыбается или принимает позы, наиболее выгодно подчеркивающие ее фигуру.

– Желаю вам выиграть, мсье, – оскалилась Чернобурка.

– Я намерен проиграться в пух и прах, – сказал Бондарь по-русски.

– Простите?

– Мысли вслух. Не обращайтесь внимания.

Ловким движением рук Чернобурка зашуршала картами, сдав две Бондарю, а одну оставив себе. Ему пришли валет и

десятка. Он поднял глаза на выжидательно замершую Чернобурку и отрицательно качнул головой. Против его двенадцати очков она набрала шестнадцать, но, поколебавшись, взяла еще одну карту. Это был король. Перебор. Бондарь принял причитающиеся жетоны и две очередные карты. У него было семнадцать, и он снова покачал головой. Чернобурка открыла даму, потом пришли туз и девятка – опять перебор. Жетонов возле Бондаря прибавилось. Решительно выдвинув их на середину стола, он коротко произнес:

– На все.

На этот раз у него оказалось девятнадцать, он лихо прикупил двойку и, против ожидания, оказался обладателем выигрышной комбинации.

– Поздравляю, мсье, – сверкнула улыбкой Чернобурка. – Попытаете счастья еще?

– Нет, – сказал Бондарь, вставая. – Мне слишком везет. И в любви, и в карты.

– Может повезти еще сильнее, – сказала Чернобурка, глядя ему прямо в глаза. – Если не за карточным столом, то в постели.

– Спасибо на добром слове.

Бондарь повернулся спиной и к удаче, и к олицетворявшей ее француженке. Прежде чем покинуть казино, он подошел к бару и заказал себе рюмку бурбона «Олд Грэндэд» с родниковой водой, как это делала на сон грядущий Лиззи. И осведомился с ее же неподражаемой интонацией:

– Откуда эта вода?

Бармен сделал серьезное лицо и ответил:

– Из Труа. Нам ее каждый день привозят свежую. Не волнуйтесь – она настоящая.

Бондарь выложил на стойку жетон стоимостью пятьдесят евро и со столь же серьезным лицом сказал:

– Не сомневаюсь. Сдачи не надо.

* * *

Гостиничный номер, где проводили медовый месяц Бондарь и Лиза, был выдержан в светло-голубых тонах с отделкой из темно-синего и белого цветов. Это был очень удобный, очень элегантный номер, обставленный дорогой современной мебелью из светлого дерева. Переступив порог, Бондарь улыбнулся, попутно вспомнив, как недавно лишился пары зубов во Владивостоке и как снова обзавелся ими в московском стоматологическом кабинете. Улыбка пропала даром. Лиззи спала, свалившись поперек кровати в том самом наряде, в котором отправилась утром на экскурсию с соотечественниками-американцами. Теперь они были для нее бывшими соотечественниками, а сама она откликалась на имя Лиза. Елизавета Бондарь – это звучало неплохо.

Раздевшись, Бондарь отправился в ванную, где принял ледяной душ. Это было сделано отчасти в знак протеста против манеры Лизы часами киснуть в горячей воде, покры-

той душистой пеной. Впрочем, это была одна из немногих прежних привычек, которые она сохранила. Не самая плохая, между прочим. Лучше очень красивой женщины может быть только очень красивая и чистая женщина. В этом плане Лиза вполне устраивала Бондаря. Она устраивала его и во многих других отношениях. Можно ли было назвать это беззаветной любовью, обожанием, страстью? Вряд ли. Но Бондарь по-своему любил американку, связавшую с ним свою судьбу. Чтобы остаться с ним, Лиззи Браво предала интересы не только ЦРУ, но и всех Соединенных Штатов Америки. Благодаря ей Бондарь выполнил свое последнее задание. Благодаря друг другу они оба не погибли на корейской яхте, захваченной ураганом. Бракосочетание являлось логическим продолжением владивостокского приключения, хотя не было столь опасным и рискованным.

Вернувшийся в комнату Бондарь натянул джинсы, развалился в кресле и закурил «Тройку» – единственные русские сигареты, какие сумел раздобыть в Париже. Чтобы преуспеть на западных рынках, отечественным производителям следовало выпускать не только «Русскую тройку», а «Матрешку», «Балалайку» и «Мишку на Севере». Лениво размышляя об этом, Бондарь поглядывал сквозь дымовую завесу на свою молодую жену, сморенную усталостью. Вокруг нее валялось множество нераспакованных кульков и фирменных пакетов с покупками. Хорошо, что руководство ФСБ приняло решение предоставить убежище бывшей цэрэушнице в обмен на

сотрудничество и ценную информацию. Плохо, что у Лиззи Браво не конфисковали ее проклятые кредитки, позволяющие ей швырять деньги направо и налево. И куда только смотрят власти США?

– Лиза, – позвал докуривший сигарету Бондарь.

– А? – Она проснулась мгновенно, как кошка, слышавшая голос хозяина. – Ты уже вернулся? Я не слышала. – Лиза села и захлопала глазами. – Устала, как волк, и уснула, как бревно без задних ног.

– В России волки голодные, а не сонные, – сказал Бондарь. – А у наших бревен не бывает ног, ни задних, ни передних.

– Я всегда спросонья все путаю. – Она бодро вскочила. – Сейчас приведу себя в порядок, и отправимся ужинать.

– Сядь.

– Почему такой тон? Ты мной недоволен? – Опустившаяся на кровать Лиза нервно переплела пальцы. – Это из-за того, что я весь день провела в поездках? Не сердись. – Она скорчила умильную гримаску очаровательной девочки, знающей, что ей простят любые проступки. – У нас подобралась такая чудесная компания. И потом, это был очень удачный шопинг. Я приобрела тебе массу красивых вещей.

– Скупка, – сказал Бондарь.

– Что? – вскинула брови Лиза.

– Шопинг по-русски – скупка.

– Это имеет значение?

Она была чертовски хороша собой. Именно поэтому Бондарь нахмурил брови.

– Никакого, – сказал он. – Но я хочу знать, сколько денег ты потратила на массу красивых вещей для меня.

– Точно не знаю, – растерялась Лиза. – Две тысячи долларов. Или две с половиной.

Бондарь достал из пиджака ворох купюр и положил их на стол со словами:

– Возьми все. Мне надоело, что ты за меня платишь. Меня тошнит от так называемых изысканных блюд.

– Но я тебя люблю! – воскликнула Лиза. – Мне для тебя ничего не жалко. Разве ты не понимаешь, что этими деньгами ты ставишь меня в неловкое положение? – Она показала пальцами на банкноты из казино.

– Надеюсь, не в большей степени, чем ты меня, – отрезал Бондарь, выразительно покосившись на покупки. – Парижское танго на этом закончено. Мы возвращаемся домой.

– Как? А наш медовый месяц?

– Медовый месяц продолжается. – Бондарь взглянул на часы. – Если ты ограничишься сегодня душем вместо ароматизированной ванны.

– Сколько дается времени? – деловито спросила Лиза, избавляясь от одежды.

– Пять минут.

– Я не о том.

– О чем тогда? – удивился Бондарь.

– Сколько времени продлится медовый месяц? – уточнила Лиза, на которой не осталось ничего, кроме той части туалета, которую женщины снимают в последнюю очередь.

– Как скажешь. – Бондарь пожал плечами.

– Тогда до глубокой старости, о'кей?

Ответом ей была невольная улыбка. Воодушевленная Лиза ринулась в ванную с таким проворством, словно ей и столь долгий срок представлялся несправедливо коротким.

Глава 2

Бандитская власть минус электрификация всего лагеря

Горное ущелье в лучах восходящего солнца выглядело столь же величественно, сколь крошечной казалась человеческая фигурка, карабкающаяся по отвесной ледяной стене, образовавшейся из застывшего водопада. Дело происходило в районе Киберийского перевала в Афганистане, а человеком, зависшим над пропастью, был Джеймс Бонд, агент британской секретной службы под номером 007. К обеим его рукам было привязано по ледорубу, на горных ботинках сверкали «кошки», за спиной торчал черный рюкзак, придававший Бонду сходство с пауком. Вонзая когти «кошек» в гладкий лед, он то и дело замирал, чтобы проводить взглядом откалывающиеся глыбы, долго сверкающие всеми своими гранями, прежде чем исчезнуть на дне ущелья.

– Ух-х, чуть не погиб, – говорил он в таких случаях. Или: – А ведь у кого-то работа попроще... – А то и просто: – Ого, круто!

При этом секретному агенту удавалось качать головой и придавать лицу выражение мрачной решимости.

Так продолжалось до тех пор, пока ему не осталось преодолеть последние тридцать футов, отделяющие его от вер-

шины. Как только он вогнал ледоруб в полую стену, она содрогнулась и обрушилась, открывая потрясенному взору мощный поток воды, низвергающийся вниз. Бонд повис на кожаном ремешке второго ледоруба, по-прежнему воткнутого в лед. Его прищуренные глаза отразили лихорадочную работу мысли. Помедлив, он принялся раскачиваться вперед-назад, словно маятник. Когда амплитуда колебаний сделалась достаточно широкой, он замахнулся свободным ледорубом, пытаясь вбить его по другую сторону от водяного потока. Удар – промах, еще удар – снова промах.

А ремешок, обхвативший запястье, вот-вот лопнет...

А ледоруб, удерживающий Джеймса Бонда, кренится все сильнее и сильнее...

– Ого, круто, – забормотали, защелкали языками боевики, сгрудившиеся возле телевизора, установленного в темной землянке.

– А ведь у кого-то работа попроще! – воскликнул юнец с бородкой Че Гевары, отличающийся пытливым умом и сообразительностью.

Джеймс Бонд, раскачивающийся над бездной, никак не прокомментировал ситуацию. Проклятый ремешок таки оборвался. Отчаянный бросок – и вот уже секретный агент повис на другом ледорубе, но ледяная корка внезапно трескается, как яичная скорлупа, и вырвавшийся на свободу водопад без помех обрушивается вниз, где с грохотом разбивается о чудовищные валуны.

Куда делся Бонд, непонятно. Экран погас, дивидишный плеер выключился.

* * *

– Опять у них генератор барахлит, – процедил полевой командир Алхан, изгой тейпа Шалоевых, принявший кличку Черный Ворон, дабы подчеркнуть свою полную обособленность от тяготящих его родственных уз. Вороны живут одиноко, но зато независимо и долго. Их не заставляют вершить кровную месть, как того потребовали однажды от четырнадцатилетнего Алхана Шалоева. Не по годам рассудительный, он взвесил свои шансы и решил, что некоторые древние обычаи просто глупы. Разве разумно выступать с дедовской двустволкой в руках против самого многочисленного тейпа в округе? Нет, сказал себе рано повзрослевший Алхан, и остался жив. Нынче ему было под тридцать, и он надеялся, что впереди его ждет столько же лет благословенной Аллахом жизни.

– Никуда не годится, – произнес он по-чеченски, наблюдая за тем, как разочарованные боевики переглядываются, почесывая косматые бороды.

– Сколько это будет продолжаться? – гомонили они, поглядывая на главаря.

– Тихо, – распорядился Черный Ворон.

Он едва шевельнул губами, но был услышан. Командир на

то и командир, чтобы подчиненные ловили каждое его слово. Смерив боевиков выразительным взглядом, Ворон выбрался на поверхность и посмотрел в сторону землянки, где был установлен генератор. То, как обращались с агрегатом местные умельцы, никуда не годилось. Сегодня выключился видик, завтра гикнется компьютер. Непорядок. Черный Ворон был близок к тому, чтобы стать обладателем секретнейшей информации командования федералов. По правде говоря, сама информация интересовала его куда меньше, чем четыре миллиона долларов, выделенные спонсорами на проведение операции. В действительности парень, взявшийся похитить штабной компьютер, запросил намного меньше. Таким образом, Черный Ворон намеревался неплохо обогатиться на сделке. Он даже оговорил себе щедрую премию на тот случай, если разведданные окажутся очень уж ценными. А как это проверишь без генератора, являющегося единственным источником электрического питания в горах?

– Проблемы, опять проблемы, – проворчал Ворон, подвешивая на плечо автомат.

В последнее время денежные потоки, стекающиеся в Чечню, значительно поредели. Выбить на Западе сколько-нибудь приличную сумму стало сложно, качество и количество проводимых акций, соответственно, снизилось. Прошли те благословенные времена, когда в распоряжении сепаратистов находился весь республиканский бюджет и многочисленные благотворительные фонды, когда боевики безнаказанно гра-

били поезда и склады, а их командиры имели десятки рабов, гаремы и дворцы, в которых припеваючи жили, пока русские солдаты прочесывали «зеленку».

Теперь приходилось торчать в горах, питаться всухомятку и кормить вшей, как каким-то отверженным абрекам. Где справедливость?

Насупившись, Ворон зашагал через лагерь, рассеянно прислушиваясь к тому, как гравий скрежещет под его новехонькими ботинками с высоким берцем. Обувь ладная, легкая, с усиленной подошвой, чтобы без помех по горам бегать. Американцы в такие ботиночки своих десантников нарядили, когда те в Афганистане в войну играли, но и братьев-чеченцев не забыли, уважили. А камуфляж на воинстве Ворона – турецкий, выгодно отличающийся от русского и по рисунку, и по качеству ткани. Молодцы иностранцы, хоть и скуповаты. Не дают захлебнуться освободительной борьбе чеченского народа. Знай себе: постреливай, жги, взрывай, режь. Об остальном иностранные разведслужбы позаботятся. Куда им, разведслужбам, без Ворона и ему подобных? Чем оправдывать свое существование, на каком основании требовать все новых и новых денежных вливаний?

Всем денежные вливания нужны, буквально всем. А Черному Ворону – в первую очередь. Остановившись возле входа в землянку, он взял «АК» на изготовку и негромко окликнул:

– Эй...

Из лаза выбрался перепачканный Нахим, покосился на автомат и нервно попросил:

– Послушай, убери своего «красавчика», а?

– Что с генератором? – спросил Ворон.

– Заартачился, – ответил Нахим.

– Ты ведь слышал, что в лагерь скоро доставят компьютер, правда?

– Слышал, слышал, – буркнул Нахим, отворачивая физиономию.

– Ты ведь знаешь, что компьютер работает от электричества, – с нажимом продолжал Ворон.

– Кто не знает? Только я не волшебник. И не неверный, которого нужно подгонять оружием.

– Ты будешь мне указывать? Ты?

– Почему бы и нет? – передернул плечами Нахим. – Каждый мужчина имеет право голоса. Чем пугать меня «красавчиком», лучше бы на установке генератора не экономил. Нельзя было нанять специалистов?

Это было произнесено резким, почти вызывающим тоном. Можно было бы понять намайавшегося с техникой Нахима, войти в его положение... Если бы не десятки наблюдающих за командиром глаз. Не зря воины Аллаха называют себя волками, они волки и есть. Каждый только и ждет, когда вожак стаи проявит слабинку, чтобы попытаться занять его место.

– Мне не нравится, как ты твякаешь, пес, – процедил

Черный Ворон, обхватывая указательным пальцем спусковой крючок.

Только теперь Нахим понял, что должно произойти с секунды на секунду. Высокий, в тщательно подогнанном камуфляже, очень бледный, он поднял руки в примирительном жесте:

– Все, командир. Умолкаю.

– Умолкаешь, – подтвердил Ворон и, оскалившись, дал длинную очередь с бедра, не позволяя задержавшемуся стволу задраться к небу. Из груди Нахима полетели кровавые ошметки, затем лопнула голова, содержимое которой расплескалось во все стороны.

– Ага! – вопил Ворон. – Ага-га!

Внезапно автомат в его руках сухо шелкнул и смолк. Понятное дело, увлекся, разрядил сразу все патроны, которые оставались в магазине. Ворон сплюнул и повел налившимися кровью глазами по сторонам. Всякий раз, когда ему приходилось убивать, он чувствовал себя так, словно нажевался дурманящего наса, смешанного с известью. В венах бурлило, в груди бухало, в глотке першило от невероятной сухости.

Боевики, ошеломленные расправой, молча смотрели на окровавленный труп Нахима. Даже самые свирепые волки понимают, когда разговариваешь с ними на языке силы. Ворон любовно погладил свой автомат и горделиво расправил плечи. Он воин Аллаха, а не тот сопливый мальчишка, которого Нахим когда-то учил плавать, лазить по скалам и выис-

кивать мины. У него черная разлапистая борода, у него волосы перехвачены зеленой лентой с арабской вязью и эмблемой волка, у него в руках автомат с пристегнутым к стволу гранатометом. Он Черный Ворон.

Трепещите, неверные!

Правоверные – тоже.

Глава 3

Раздевай и властвуй

Подъезд сиял чистотой. На лестничной площадке, куда вынес его бесшумный лифт, не было ни соринки. Никто здесь не плевал на пол, не бросал окурки и не пачкал стены, пытаясь выразить свое представление о прекрасном рисунками или словами. Причиной тому была высочайшая сознательность жильцов дома, у которой, в свою очередь, тоже имелась своя причина соблюдать порядок: «глазок» камеры слежения, притаившийся под потолком. Стараясь не обращать на нее внимания, он пригладил волосы и чинно нажал кнопку звонка, отозвавшегося птичьей трелью. На его симпатичном лице застыло выражение безграничной порядочности и скромности. В свои двадцать три года он выглядел настоящим пай-мальчиком, чем-то смахивающим на повзрослевшего Маленького Принца из сказки Экзюпери. Но в правом кармане его стильных брючат хранился предмет, с которым не станет ходить по городу ни один пай-мальчик, похожий на принца.

Он и не был принцем. Звали его Никита Сундуков, Ник, в английском и московском просторечии. Всякий раз, когда пальцы Никиты касались предмета, спрятанного в кармане, он заставлял себя вытаскивать руку наружу, но очень скоро

она снова оказывалась там, и эта постоянная борьба его нервировала. Приходилось снова и снова говорить себе: «Держись естественно». В тот момент, когда дверь распахнулась, он как раз вытащил правую руку из кармана, закончив это порывистое движение приветственным жестом:

– Хай!

– О, приветик! – обрадовалась Лариска.

Она предстала перед гостем в одних трусиках и топике – как бы по случаю летней жары, а на самом деле рассчитывая по-скоренькому соблазнить его своими веснушчатыми прелестями. Вот же корова, подумал Никита с ненавистью. Толстая рыжая корова с отвисшим задом и томными глазами. Морду от шоколада да пирожных как после пчелиных укусов разнесло, на лбу прыщей – давить не передавить, а туда же – очаровательницу из себя строит.

– Хорошо выглядишь, – улынулся он.

– А то! – фыркнула Лариска.

Заносчивая, самовлюбленная тварь. Еще бы – генеральская внучка, хоть и круглая сирота. Причем ее дед не какой-нибудь замшелый отставник, строчащий мемуары о своем героическом прошлом, а заместитель начальника штаба Северо–Кавказского военного округа. Шишка. Раз в неделю прилетает из Ростова в Москву чуть ли не на персональном самолете, дабы заняться воспитанием любимой внученьки. Деньжат ей подкинет, по головке погладит и скорей за город, на охоту с боевыми товарищами, как будто ему в Чечне

бесконечная пальба не осточертела. Пока любимый дедушка таким образом расслабляется, Лариска дома торчит, якобы готовясь к поступлению в вуз. Хотя в голове у этой рыжей коровы совсем другие мысли бродят. Бесконечные случки с мужиками – вот и все ее университеты. Такой оторве не гранит науки грызть, а искусственные приапы испытывать на прочность.

– Ну, что вылупился? – кокетливо спросила Лариска, давно успевшая отступить в глубь прихожей, тем самым освобождая доступ к своему телу.

– Тобой люблюсь. – Никита улыбнулся так широко, что даже челюсти заныли. – Ты у меня просто секс-бомба какая-то, а не ученица. Но лучше бы ты оделась, иначе наши с тобой занятия получатся сегодня несколько сумбурными.

Шутливо погрозив Лариске пальцем, он переступил через порог, захлопнул за собой дверь, поставил на пол вместительную спортивную сумку с фирменной надписью «Найк».

– Что это? – удивилась она, уставившись на сумку. – Ты куда-то уезжаешь?

– Павел Игнатьевич дома? – спросил он в свою очередь, заглядывая в квартиру через Ларискино плечо.

– Давно уехал, – заверила его Лариска, нетерпеливо встряхнув грудью. К своему прискорбию, Никита досконально знал, как она выглядит, Ларискина грудь: два куса сырого теста, посыпанные табачной крошкой и украшенные чем-то вроде колечек бледной диетической колбасы.

Настоящее убожество в сравнении с бюстом Никитиной супруги. Однако у Алисы не было деда-генерала, и в этом она уступала Лариске.

– Никак не застану Павла Игнатьевича, – погрустнел Никита. – Все на лосей охотится?

– На лосей, на кабанов, какая разница? – Лариска хихикнула. – Главное, чтобы не на тебя.

– Смешно. – Никита действительно издал смешок, напоминающий натужный кашель. – Значит, ты одна?

– Одна, одна. Дед только завтра к вечеру вернется, не раньше. – Лариска пнула сумку ногой. – Так что у тебя там? Какие-нибудь шпионские заморочки, признавайся?

– Ну да, меня ведь зовут Бонд, Джеймс Бонд. – Он приосанился, выпятил подбородок и немного постоял так, красуясь, после чего пояснил совсем другим, будничным голосом: – К сожалению, в сумке ничего интересного нет. Всякое барахло: спортивный костюм, детективы, тапочки. Друга в больнице нужно проведать, у него прободение грыжи... Я хотел сказать: язвы.

– А-а, – разочарованно протянула Лариска. – Жаль. Лучше бы ты действительно был крутым-прекрутым Джемсбондом.

Именно так: «Джемсбондом». Чего еще можно ожидать от этой тупой рыжей коровы?

– Тогда уж лучше сразу Гарри Поттером, – отшутился Никита, проходя в огромную генеральскую гостиную, люстра

которой вполне сгодились бы для антуража не самого малого академического театра.

– Не-а, Гарри Поттер не катит, – промурлыкала Лариска, отираясь рядом. – У него писюнчик ма-аленький, а у тебя... ого!

– Ай! – взвизгнул он, пойманный ее нетерпеливой рукой за промежность. – Прекращай эти глупости, Лара.

Она неохотно отстранилась. По ее глубочайшему убеждению, величайшей глупостью было чинно сидеть, выслушивая всю ту англоязычную туфту, с которой заявился Ник. Однако даже такая самая дрянная девчонка способна вести себя хорошо ради достижения своих целей. Что касается Лариски, то цель у нее была только одна, а терпеть она собиралась не слишком долго.

* * *

Метод обучения английскому языку, которым пользовался Никита Сундуков, был прост, как грабли. Основная часть урока отводилась под чтение английского текста с переводом. Никита гордился этим методом, позволявшим не только совершенствовать собственное произношение и лексику, но и получать за это неплохие деньги. Поскольку на данном этапе он читал пухлый роман о Джеймсе Бонде, то Лариска была обречена прослушать целую главу о похождениях непотопляемого супершпиона.

– Первыми встревожились голуби, – с чувством переводил Никита. – Громко хлопая крыльями, они взлетели и укрылись на деревьях с листьями. За ними последовали пчелы, жужжа неистово. Что произвело такую импрессию? Сердце сидящего в кустах Бонда сильно забилося. Он принялся внимательно осматривать клумбу Букингемского дворца в поисках разгадки... Разгадка обнаружилась очень скоро. Оказывается, прямо посреди клумбы высунулся перископ, замаскированный под розу на длинном стебле. Лепестки цветка раскрылись, и линза размером с шиллинг уставилась чуть ли не в глаза затаившему дыхание Бонду.

– Может, на сегодня хватит? – спросила Лариска, которая никогда не бывала в парке Букингемского дворца, а потому не могла представить себе всю степень опасности, нависшей над королевской семьей.

– Ты не хочешь узнать, что будет дальше? – изумился Никита. – Шпионская база, оборудованная в самом сердце Лондона!

– А я и так знаю, что будет дальше, – заявила Лариска, очищая банан. – Дыхание Джемсбонда, как всегда, участится, по его спине побежит дрожь, он ощутит смесь восторга охоты и чувства опасности.

– Хм, примерно так, – согласился Никита, сверившийся с текстом. – Как ты догадалась?

– У него постоянно учащается дыхание и сильно бьется сердце. Ему нужно снять кардиограмму, твоему Джемсбон-

ду.

– Тебя забыли спросить...

Нахмурившийся Никита пробежал пару абзацев глазами, но, спохватившись, вновь вернулся к перископу. Пока он читал книгу по-английски, Лариска умяла банан и распечатала коробку «Рафаэллы». К тому моменту, когда дело дошло до перевода, конфет в коробке осталось на самом доньшке.

Лариска зевнула и уставилась в окно. Какое ей дело до клумбы, которая, оказывается, была снабжена не только перископом, но и люком с моторчиком? Чем ее, Лариску, могут заинтриговать подозрительные типы, выбирающиеся из подземелья? Она насторожилась, лишь заслышав, что коварные шпионы не только держат в руках пистолеты, но и передвигаются среди розовых кустов на приспособлениях, напоминающих снегоступы.

– Затем, – провозгласил замогильным голосом Никита, – выстроившись в линейчку, они пошли по аллее к дворцу. Было что-то ужасно зловещее в том, как мягко они ступали в тени, осторожно, по очереди поднимая и опуская большие, обвязанные ремнями ноги...

– Не понимаю. – Лариска вытерла перепачканные шоколадом губы. – Какие еще снегоступы?

– Снегоступы, они вроде широких лыж, – терпеливо пояснил Никита.

– Зачем?

– В книге говорится зачем.

– А я не поняла.

– Чтобы не приминать траву, – вздохнул вздевший глаза к потолку Никита. – Чтобы не оставлять следов. Неужели не ясно?

– Совершенно не ясно, – сказала Лариска, сползая с дивана. – Этих дебилов в снегоступах моментально вычислит первый встречный и позвонит в полицию. Лето же! Травка зеленеет, пчелки жужжат. Жарко...

Иллюстрируя сказанное, Лариска сбросила топик и пошла на вскочившего из-за стола Никиту, расставив руки на манер курятницы, ловящей цыпленка.

– Урок не закончен, – заволновался Никита, сохраняя между собой и полуголой Лариской безопасную дистанцию.

Благо площадь комнаты позволяла маневрировать сколько угодно долго – тут было где развернуться. Плацдарм, а не квартира, подумал Никита отстраненно. Военный полигон. Стены фотографиями военачальников увешаны, есть даже Буденный (правда, без шашки) и маршал Жуков (вылитый народный артист Ульянов). Вся эта героическая компания уставилась на происходящее немигающими глазами, в которых чудилось немое осуждение. Как будто на заседании военного трибунала находишься, честное слово!

– Домашнее задание выучила? – спросил Никита, когда, запыхавшись, оба замерли друг против друга, разделенные яйцеобразным палисандровым столом, на котором, если бы не обилие хрустальных ваз, впору танковые сражения устра-

ивать.

– Тхерез носинг... – начала Лариска и поморщилась, махнув рукой. – А, ну тебя, не буду. Язык сломать можно.

– У тебя ведь скоро экзамен, – напомнил Никита.

– Я контрактница, – отмахнулась она. – Экзамены – одна видимость. Иди ко мне скоренько. Киска соскучилась по своему котику.

Не дождавшись ответа на свой страстный призыв, киска снова устремила в обход стола, но упрямый котик улизнул и, по-прежнему соблюдая дистанцию, наставительно произнес:

– Делу время – потехе час. Или, как говорят американцы, «business before pleasure». Повтори.

– Отвяжись, – буркнула Лариска, раздраженная тем, что ей так и не удалось добиться своего. – Голова болит. Занятия отменяются.

Дело начало приобретать неожиданный оборот, опасный. Стоит разгореться ссоре – и все предыдущие старания псу под хвост.

– Скажи то же самое по-английски, – вкрадчиво потребовал Никита, огибая стол.

– Не хочу, – упорствовала Лариска.

– Ай донт вонт, – поправил он ее, приближаясь на расстояние вытянутой руки.

– Перебьешься.

– Не перечь старшим.

– Ой, на каких-то пять лет старше, а воображает из себя, а воображает! – фыркнула почувствовавшая свою власть Лариска.

– Все-таки я мужчина, – напомнил он, поддевая пальцем резинку ее трусов.

– Что-то не чувствуется. – Лариска опустила глаза, следя за манипуляциями его пальца. Ноздри ее конопатого носа раздулись, как у заправской кокаинистки.

– Кроме того, я твой репетитор, – продолжал Никита с напускной строгостью. – Как будет по-английски «не хочу»?

– Я хочу, я как раз сильно хочу.

– Сейчас не об этом.

– Об этом, об этом, – заверила Лариска, стискивая Никитину ладонь влажными ляжками. Рука словно внутри горячего пирога оказалась. С пылу с жару.

– Ай донт вонт, – тоскливо произнес он, безрезультатно пытаясь высвободить моментально возпревшую руку. Он почувствовал себя так, будто ему предложили препарировать огромную раскорячившуюся лягушку, к тому же живую, чрезмерно активную и неважно пахнущую. С трудом проглотил ком, набухший в горле, покрепче сцепил зубы, закрыл глаза. Ничего, это в последний раз. Скоро его мучения закончатся. Еще немного, еще чуть-чуть. Последний бой, он трудный самый.

– Сделай мне хорошо, – взмолилась задыхающаяся Лариска. – А потом я тебе.

Одна перспектива хуже другой, бр-р! Никита Сундуков передернулся. Лучше бы эта толстая корова видеокассеты с шейпингом смотрела, чем изощренную порнографию! Наверное, в Интернете не осталось ни одного эротического сайта, куда она не успела сунуть свой любопытный конопатый нос. Кстати, именно благодаря этому обстоятельству их отношения зашли так далеко... Так далеко, что дальше некуда...

* * *

Помнится, они чинно сидели в кабинете Ларискиного деда, который, как обычно, отсутствовал, всецело посвятив себя отстрелу то ли диких щетинистых кабанов, то ли не менее диких боевиков. Тема разговора была вполне безобидная – источники пополнения словарного запаса. Главное, твердил он, прохаживаясь по кабинету, ни в коем случае нельзя пользоваться всеми этими переводческими программами, которых сейчас в сети пруд пруди.

– Почему? – поинтересовалась позевывающая Лариска.

– Это порочная практика, – сказал Никита.

– Порочная? – В ее глазах появились слабые проблески интереса.

– Ну да, – подтвердил он. – В Интернете масса сайтов, которые предложат тебе перевести любой текст, но ты ведь от этого умнее не станешь, верно?

– Глупее тоже, – заметила Лариска и вдруг нетерпеливо поерзала на своем стуле. – Слушай, а давай поглядим, как у них это получается. Ну, у электронных переводчиков.

Он пожал плечами:

– Зачем? Говорю же тебе: это порочная практика.

– А мне интересно. – Она хихикнула. – Ну-ка, отвернись. Я врублю комп.

– Тоже мне, секрет! – недовольно сказал Никита. – Я что, не знаю, как компьютер включается?

– Не забывай, что мой дед особо важная персона. Этот «Пентиум» так закодирован, что только держись. Если, к примеру, его включит кто-то посторонний, то сработает сигнал оповещения, и ровно через три минуты бедолагу сцапают на месте преступления. Дед ведь сюда всякую секретную информацию закачивает, когда дома работает.

– Тогда ну его к лешему, – сказал Никита, уставившись в угол и опасливо прислушиваясь к характерному гудению за своей спиной.

– Деда?

– Его сверхсекретный компьютер. Не трогала бы ты эту развалину, а?

– Развалина? У-у, чеченцы за наш «пентюх» миллион долларов выложили бы, не торгуясь, – важно заметила Лариска. – Так дед говорит. Он сейчас над планом крупномасштабной антитеррористической операции работает. – Произнеся сложную фразу буквально по слогам, Лариска заговорила

быстрее: – Я, конечно, полюбобытствовала, не удержалась. Знаешь, сколько одних только десантников будет задействовано? Целая дивизия, вот.

– Военные тайны меня не интересуют, – поспешно заявил Никита. – И близкое знакомство со спецслужбами не входит в мои планы. – Его тон сделался тревожным. – Слушай, а вдруг сигнализация и впрямь сработает, что тогда?

Лариска захихикала:

– Не бойся. Все коды и пароли мне давно известны. – Заклацали бойко нажимаемые клавиши.

– Откуда?

– От верблюда.

– И все же?

– Дедуля опасается, что у него старческий маразм вот-вот начнется, поэтому перестраховался, записал пароли на бумажечку, а бумажечку всегда под рукой держит... Держал, – поправилась Лариска. – Потом сжег в пепельнице, как Штирлиц.

Никита осуждающе покачал головой:

– Вот застучает тебя однажды дед за компьютером, будешь знать.

– Уже застукал. На прошлой неделе. Я не удержалась, дописала в проект приказа по округу один пунктик. – Признание сопровождалось смешливым похрюкиванием.

– Какой пунктик?

– Добровольно сдавшихся в член к пепенцам считать из-

менниками Родины...

– Ты хотела сказать: в плен к чеченцам?

– Да нет же. Именно в член. – Последовала еще одна порция похрюкивания. – Дед сначала орал как оглашенный, а потом хохотал до слез. После того как я ему слово дала, что больше к его компьютеру не прикаснусь.

– А сама продолжаешь в прежнем духе, – укорил Никита Лариску.

– Конечно. – Она даже вроде как удивилась.

– Зачем тебе это? У тебя что, собственного компьютера нет? – рассеянно спросил он, пытаясь понять, по какой причине его уши сделались вдруг горячими, а дыхание участилось, как у спешащего куда-то человека. Еще никогда эфемерное понятие «миллион долларов» не казалось ему столь реальным и доступным, почти осязаемым.

– Почему нет? – удивилась Лариска еще сильнее. – Есть. Только мне нравится делать то, что запрещено. От этого особый кайф получаешь, разве нет?

– Не знаю, не знаю...

– Зато я знаю. Запретный плод всегда сладок. Ты в детстве когда-нибудь за взрослыми подглядывал?

– Гм, у меня, видишь ли, были несколько иные интересы.

– А у меня те самые. Сколько себя помню. – Зачирикал, засвиристел включенный модем, и через минуту Лариска скомандовала: – Все, можешь поворачиваться.

Никита посмотрел на нее, сидящую за генеральским ком-

пьютером, со все возрастающим интересом. Два вопроса всплыли в его сознании, один за другим. Первый: «С какого же возраста она не только подглядывает за другими, но и сама занимается этим?» И второй: «Как бы я сам распорядился секретной информацией, хранящейся в допотопном компьютере, если бы у меня имелся доступ?» – «Да уж придумал бы как, – живо откликнулся внутренний голос. – Миллион долларов – это тебе не фунт изюму. Чемодан денег, который с готовностью выложат сводолубивые пепенцы... то есть чеченцы».

– Ну что, – осведомился Никита, покашливая и непроизвольно потирая ладони, – нашла переводчика?

– Кое-что поинтересней нашла, – похвасталась Лариска, уставившись в экран, видимый только ей одной. – Взгляни-ка.

Он поднялся с кресла и направился к письменному столу, бормоча на ходу:

– Если ты намереваешься посвятить меня в план секретной операции штаба Северо-Кавказского округа, то не стоит.

– Лично мне он тоже до лампочки, – заверила его Лариска. – Меня другое волнует. Если бы ты только знал, как волнует.

– Что именно? – спросил Никита, останавливаясь за ее спиной.

– Разве такое бывает? – Она постучала ноготком по стеклу экрана. Он не сразу сообразил, что за штуковина красу-

ется перед его глазами, а когда понял, поспешно отвернулся, ощущая, как кровь приливает к его щекам.

– Ты гляди, гляди, – возбужденно потребовала Лариска, ловя Никиту за рукав. – Прямо жеребец, а не мужик.

– Убери эту гадость! – крикнул он, поражаясь тому, как силно звучит его голос. Точно мороженым на холоде обжедался несколько часов кряду.

– Гадость? – изумилась Лариска. – Что естественно, то не безобразно, глупый. У тебя ведь тоже нечто подобное имеется, а?

– Не твое дело.

– Как же не мое, когда очень даже мое!

Вот тут-то она его и прихватила по-настоящему. Уже не за руку. А через несколько минут, когда они, задыхаясь, лежали на полу кабинета, прислушиваясь к бешеному биению своих сердец, Никита Сундуков отчетливо понял, что это судьба. Нет, не случайно он нанялся репетитором именно в дом Павла Игнатьевича Конягина, а не в какой-нибудь другой. И спутался с генеральской внучкой тоже не напрасно. Компьютер, напичканный секретными сведениями, был тем самым кладом, найти который мечтает каждый. У всякого товара есть свой купец, нужно только подсуетиться, чтобы груда электронных блоков, проводов и деталей превратилась в не менее внушительную кучу денег.

И он подсуетился. Все продумал, просчитал, подготовил. Осталось сделать еще один шаг, самый главный. Решающий.

Тот, после которого назад уже не повернешь...

* * *

Никитины размышления были прерваны воплями, очень напоминающими те, которые могла бы издавать изловленная хорьком курица, уже полузадушенная, но все еще бешено трепыхающаяся. Ее руки вцепились в его волосы, норовя выдрать их с корнем. Всякий раз, когда Лариска выгибалась дугой, ее влажные ягодички отклеивались от кожаного дивана с неприятным чмокающим звуком.

Он с отвращением оторвался от ее сотрясаемого крупной дрожью тела и вытер губы тыльной стороной ладонью.

– Ми... миленький, – пролепетала она, продолжая подергиваться. – Ко... котик мой.

– Ко-кошечка моя, – передразнил Никита. – Ку-курочка.

До Лариски, заиклившись на собственных ощущениях, его ядовитый мессидж не дошел. Колыхаясь на диване бледной медузой, она потянулась к нему:

– Иди ко мне...

– В другой раз. – Никита встал и, волоча по полу съехавшие на лодыжки брюки, поплелся в ванную.

– А ты разве не хочешь? – изумилась она, приподнявшись на локтях.

– Потом, – пообещал он, сверяясь с часами. – Самое время заняться английским, только теперь без всяких фокусов.

Очутившись в ванной, он первым делом плюнул в свое отражение и не вытирал слювок до тех пор, пока хорошенько не прополоскал рот, изведя добрую половину тюбика зубной пасты. На языке остался стойкий вкус мяты. Как будто он весь день эту чертову мяту жевал... с тухлой селедкой вперемишку. Он опять сплюнул, на этот раз в раковину. Досуха вытер зеркало, воспользовавшись одним из полотенец. Натянул брюки, не забыв приласкать пальцами предмет, хранившийся в правом кармане. Снова взглянул на часы. Охранники, дежурящие в подъезде, всегда заносили в журнал время прибытия и убытия каждого визитера. Уроки английского в генеральской квартире длились, как правило, два часа, так что не стоило нарушать эту добрую традицию. Вселенского хая, разумеется, не миновать, фамилия исчезнувшего репетитора будет объявлена во всероссийский розыск, но это будет уже потом, когда Ларискин дед вернется домой. Когда будет уже поздно. Слишком поздно.

– Then it's far too late, – произнес Никита с чувством, расчесывая растрепанные Лариской волосы.

Неприятный привкус во рту улетучился, собственное отражение нравилось ему все больше и больше. Красивый, опрятный, стильный, уверенный в себе молодой человек, твердо знающий, чего он хочет в этой жизни и как этой цели добиться. Человек действия. Пути к отступлению готовы, приобретен новый паспорт, на его владельца записана квартира в далеком украинском городке с разбойничьим назва-

нием Бендеры. Его там сам Интерпол не сыщет, не то что си-
волапая российская милиция. А годика через два-три, когда
все забудется, он, может быть, возвратится в Москву. Если,
конечно, не предпочтет осесть где-нибудь за границей, благо
деньги скоро появятся, много денег. Сознание этого бодрило
не хуже освежающего душа, который он, впрочем, так и не
принял.

* * *

Обдумывая операцию, Никита Сундуков учел все, кроме
того, что он, по сути, ставит крест на прежней жизни. На
клубных тусовках и вечеринках, на вояжах по модным бути-
кам, на премьерах и презентациях, на полезных и приятных
знакомствах, на супруге Алисе, в конце концов. Сегодня, ко-
гда предстояло перешагнуть последнюю черту, он вдруг от-
четливо понял, как труден и тернист будет его путь к богат-
ству. Похоронить себя в глуши в расцвете лет – на такое са-
мопожертвование способен не каждый.

Никита Сундуков оказался способен. Он был морально и
физически готов доказать это. Осознание этого факта помог-
ло ему вернуться в гостиную с расправленными плечами и
гордо поднятой головой.

– Как настроение? – весело осведомился он. – Готова к
трудовым свершениям?

– Да хоть прямо сейчас, – оживилась Лариска, даже не

подумавшая набросить на себя какую-нибудь одежонку. – В жизни всегда есть место подвигу. – Ее приподнятые ладонями груди выжидательно уставились на него.

– Нет! – предостерегающе воскликнул Никита, поспешно отведя взгляд в сторону. – Здесь у меня не получится. Обстановка не та. Давай перейдем в кабинет для разнообразия.

Его пальцы стиснули предмет, спрятанный в кармане.

– Знаю я это разнообразие, – надулась Лариска. – Опять станешь вокруг дедова «пентюха» кружить, как коршун, а на меня ноль внимания. Ты, случаем, не спереть комп задумал?

– Разве я похож на мелкого жулика?

Его улыбка получилась не слишком искренней, но зато очень широкой. Как у голливудского актера Леонардо ди Каприо, на которого он мечтал походить с тех пор, когда детство с его сказками о маленьких принцах осталось в прошлом. Подталкивая Лариску к двери в кабинет, он снова взглянул на часы, готовясь к завершению последнего урока. Его рука нащупала и обхватила костяную рукоятку «золлингеровской» бритвы. Округлая, изящно изогнутая, рукоятка удобно устроилась в стиснутой пятерне.

– Карманный бильярд? – хихикнула Лариска, наблюдая за суетливыми движениями Никитиной руки под тканью брюк.

– Что? – Он непонимающе приподнял брови.

– Шары перебираешь?

– Шары, какие шары?

– Мохнатые.

– Э-э... Послушай, Лара, что-то я неважно себя чувствую, честное слово. – Никита пригладил свободной рукой растрепавшиеся волосы. – Пот прошибает, в глазах темно... Кажется, занятия придется перенести. – Он приложил свободную руку к животу и слегка согнулся. – Будь так добра, позвони на пост, чтобы меня без лишней волокиты из подъезда выпустили.

– Понос прихватил? – нахмурилась Лариска.

– Понос?.. При чем тут понос? – Никита снова взглянул на часы. – Боюсь, это приступ аппендицита.

– Так давай вызовем «Скорую»!

– Никаких «скорых»! Я просто хочу отлежаться дома.

Лариска наморщила лоб:

– Станный ты какой-то...

– Я – странный?! – воскликнул Никита. – Да, я странный... Это из-за живота. Ты, пожалуйста, позвони на пост и не забудь напомнить охранникам, что я с сумкой, не то примут за какого-нибудь воришку – и в кутузку.

– А что, очень даже может быть.

Лариска захихикала, скаля свои попорченные сладостями зубы. Никита тоже осклабился, но тут же скорчил болезненную гримасу.

– Звони, котик, – простонал он. – Мне действительно плохо. Хочешь, чтобы я умер у тебя на глазах?

– Типун тебе на язык, – рассердилась Лариска, хватая телефонную трубку.

Пока она беседовала с охраной, Никита стоял рядом, держась за ее левым плечом, а как только трубка легла на место, коротко взмахнул выхваченной бритвой: раз, другой, третий... Несколько секунд Лариска стояла неподвижно, лишь кровь струилась между ее пальцев, которыми она обхватила шею. Потом она посмотрела Никите в глаза и издала жуткий хрипящий звук, который иногда можно услышать в испорченных водопроводных трубах:

– Грл-л-л?

Никита попятился, бормоча:

– Ну-ну... Все в порядке, что ты... Не надо кричать...

– Бла-бла-аа...

Захлебывающаяся кровью Лариска никак не хотела падать, продолжала топтаться на месте, сипя и булькая, как будто непременно желала сказать нечто важное напоследок, а о чем им теперь было говорить? Зачем?

– Прекращай это, – взмолился Никита, пытаясь избавиться от бритвы.

Ручка липла к ладони, бритва никак не желала закрываться, пришлось изрядно повозиться, прежде чем она исчезла в заранее подготовленном пакетике, а когда это наконец произошло, Лариска мягко осела на пол. Взглянув на нее, Никита сразу понял, что лучше бы он этого не делал. Зияющая на ее горле рана походила на второй рот, разинутый в немом крике. Ярко-красная кровь не просто текла оттуда, а выплескивалась судорожными толчками, разливаясь вокруг

сидящей на полу девушки маслянисто поблескивающей лужей. Зато ее широко раскрытые глаза совершенно утратили прежний блеск. И веснушки с кожи почему-то исчезли, даже на тех участках тела, которые не были перепачканы красным...

* * *

По пути через Москву Никита дважды останавливал машину и высовывался наружу, не в силах подавить приступы тошноты. Зато на душе было спокойно. Он знал, на что шел, когда умыкнул генеральский компьютер. Теперь всего несколько часов отделяли его от заветной цели – восьмисот тысяч долларов, в которые, после длительных торгов, был оценен старенький «Пентиум» невесть какого поколения. Собственно говоря, в комиссии эту развалину вряд ли удалось бы сбыть даже за полтыщи, но информация, хранящаяся в электронных недрах компьютера, оказалась поистине бесценной. Никита догадывался об этом с самого начала и не прогадал. Он вообще редко когда прогадывал, Никита Сундуков. Вскормленный американскими окорочками и гамбургерами, вспоенный пепси-колой, повидавший на своем веку больше голливудских фильмов, чем сновидений, он твердо усвоил, что неудачникам в этом мире делать нечего. Или ты распахиваешь локтями ближних и успеваешь к добыче первым, или тебя оттирают на обочину жизни, ту-

да, где тебе остается лишь жевать сопли на митингах таких же убогих да обиженных, как ты сам. Третьего не дано. Кто не успел, тот опоздал. Кто опоздал, тому – оттопыренный средний палец перед носом. Поимей ближнего своего, пока ближний не поимел тебя самого – вот главная заповедь для тех, кто хочет преуспеть в этой жизни. Отсюда жизненное кредо: подешевле купи, подороже продай, остальное приложится. Не можешь купить – укради, но все равно продай. Неважно что, неважно кого, лишь бы за реальные бабки.

Представляя себе пачки долларов, Никита глянул на системный блок, упакованный в сумку. Громоздкая, угловатая штукovina размером с чемоданчик – теперь таких уже не производят. Таскаться с этой тяжестью не слишком приятно. Кто-нибудь другой на месте Никиты попытался бы скачать информацию, заложенную в генеральский «Пентиум», на дискеты или на компактный диск и... был бы схвачен на месте преступления с поличным. Он действовал иначе, ведь компьютер был снабжен не только различными степенями защиты, но также хитрой системой оповещения о том, что включение произвел кто-то чужой, не знающий всех кодов и заморочек. Никита слышал про подобные штуки. Ты утапливаешь кнопку «Пауэр», а внутри компьютера автоматически оживает «маячок», имеющий питание от электрической сети. Все, ты спекся. За тобой гонятся, отслеживая твое местонахождение с помощью специальных приборов. Ты еще наивно радуешься своей добыче, а по тебе уже тюрьма плачет.

«Лубянка-а, сгубила молодость мою»... Или Таганка. Или что-то другое сгубила, кажется, талант. Кстати, насчет талантов. Возможно, Никитина жена сумела бы проникнуть в электронные недра компьютера, что называется, без шума и пыли, но она же могла стать опасной свидетельницей. Зачем Никите такая обуза? Он взял компьютер как есть, прямо с торчащими в гнездах шнурами, которые змеились по полу и норовили запутать ноги улепетывающего Никиты. А тут еще кровь, слишком много крови. Ее натекло на паркет столько, что пришлось скакать через кабинет на манер кузнечика. Вот был бы номер, если бы Никита выперся в вестибюль подъезда с перепачканными кровью подошвами, оставляющими за ним цепочку красных следов! «Молодой человек, что это такое?» – «Где?» – «У вас за спиной». Осталось бы только оглянуться через плечо и сделать изумленное лицо: «Ой, надо же! Наверное, в краску наступил». Впрочем, охранники не стали бы слушать этот жалкий лепет, а просто скрутили бы Никиту на выходе и переломали ему все кости до приезда милиции. Парни здоровенные, морды злодейские, кулачищи тверже ананасов. Один такой звезданет промеж глаз, мало не покажется.

Машину тряхнуло. Никита съехал к тротуару, опасаясь, что его вот-вот вывернет наизнанку. Предусмотрительно распахнув дверцу, он откинулся на подголовник и принялся считать сперва до ста, потом еще до пятидесяти. Тошно-та отступила, сменившись потоками пота, такого обильного,

что через минуту одежда Никиты промокла насквозь, хоть выкручивай. Ничего, пот – это не кровь, сказал он себе. Ради заветного куша можно и попотеть. Перед мысленным взором Никиты развернулась панорама океанского побережья – пальмы, белый песочек, подтянутые девчонки в трусиках-те-семочках. Все, как одна, загорелые, все маслянисто блестят, и среди них ни одной веснушчатой, вот что приятнее всего. Когда он, Никита, очутится на подобном пляже, он первым делом сведет знакомство с парочкой таких блестящих красоток и устроит себе праздник для души. Он ведь уже почти богач. Осталось лишь произвести обмен генеральского компьютера на доллары. Кого-то интересуют военные операции штаба Северо-Кавказского военного округа, а у него, у Никиты, другие запросы. Ему наличные подавай, да побольше. Плевать ему на генерала Конягина, плевать на всяких там Шамилей Басаевых, с которыми тот якобы воюет. У Никиты своя собственная операция, многоходовая. Задолго до своего последнего визита к Лариске он вышел через знакомых на представителя чеченской диаспоры в Москве и осторожно намекнул на возможность заполучить сведения, интересующие свободолобивых сынов гор. Встреча состоялась в ресторане. Чеченец, то ли владелец казино, то ли бандит – кто их нынче разберет, – выслушал туманную речь собеседника с непроницаемым лицом, закинул в рот маслину и молча удалился, но утром следующего дня Никите позвонили и, не тратя времени на пустопорожние разговоры, продикто-

вали номер мобильного телефона некоего Алхана Шалоева. Ох, и помотал же тот Никите нервы! Надменный, упрямый, как горный баран, Алхан для начала сбил цену генеральского компьютера до восьмисот тысяч баксов, а потом заявил, что обмен должен быть произведен у доверенного человека, которого зовут Руслан Гелхаев. Никите это не понравилось. Гелхаев был мафиози, не самым авторитетным, но оттого только более опасным и непредсказуемым. Встречаться с этим типом в неприступном загородном особняке Никите абсолютно не хотелось. «Нашли дурака! – нервно хохотнул он тогда. – Нет уж, никаких вояжей за черту города. Мы совершим обмен в людном месте, которое я назову». – «Ты не способен назвать даже места собственной могилы, шелудивый пес», – рявкнула трубка. «На таких условиях я отказываюсь от сделки», – с достоинством заявил Никита. – «А от жизни? – вкрадчиво осведомился Алхан. – От жизни ты тоже отказываешься? Если нет – приезжай к Руслану. Не хочешь – оставайся дома. Тебя найдут. Скоро». – «Эй, что за дела? Мы так не договаривались!» – «Договаривались, – холодно возразил Алхан. – Ты сказал, что продаешь товар. Я сказал: покупаю. Держи слово, если ты мужчина. Иначе плохо будет. Очень». – «Но...» – пролепетал Никита. «Деньги готовы, расчет на месте, адрес я тебе назвал. Всё». В трубке зазвучали сигналы отбоя. Придя в себя, Никита принялся лихорадочно обдумывать сложившуюся ситуацию. Отказываться от сделки было нельзя. Не только из-за нависшей опасности.

Ведь помимо угроз прозвучала и весьма приятная новость: деньги готовы, расчет на месте...

Очень скоро этот самый расчет будет произведен. Никита бросил взгляд на циферблат своих часов, снял машину с тормоза и тронулся в путь. Вперед, только вперед! Через несколько часов Ларискин дед вернется с охоты, сунется в свой кабинет и обнаружит внуку с перерезанным горлом. Если на месте от инфаркта не загнется, то непременно поднимет тревогу. Начнется переполох, кутерьма. Как в том детском стишке: ищут пожарные, ищет милиция... Никита нервно хихикнул. Ищите-свищите ветра в поле.

Нехорошо, конечно, что Лариску пришлось... того, но, как говорят в Америке, ничего личного, это только бизнес. Хоть и вздорная была девчонка, а все же ее жаль, искренне жаль. Никита прислушался к себе, пытаясь определить, в какой именно области его организма скопилась жалость, но почувствовал лишь тяжесть в мочевом пузыре. И это его вполне устраивало.

Глава 4

Развод по-чеченски

– Ну? – Руслан Гелхаев вопросительно посмотрел на племянника, возникшего в дверях тренажерного зала. По утрам здесь надлежало крутить педали бесколесного велосипеда и перебирать ногами на полосе беговой дорожки, не ведущей никуда. Руслан терпеть не мог физических упражнений, однако заниматься спортом ему порекомендовали в кремлевской клинике, а разве можно не доверять тамошним врачам, берущим за прием четыреста долларов? За право консультироваться у них пришлось выложить кругленькую сумму на закупку медицинского оборудования да еще оплатить рекомендации двух заслуженных артистов и одного ничем не прославившегося госчиновника из Министерства культуры. Затраты того стоили. Теперь Руслан имел доступ в самую элитарную больницу столицы, поддерживал в организме витаминный баланс и начинал каждое утро в собственном тренажерном зале. А какой-то двоюродный племянник, седьмая вода на киселе, осмеливался прерывать процесс оздоровления организма. Мнил себя дядиным любимчиком. Хлопал своими телячьими глазищами и требовал к себе внимания.

– Ну! – раздраженно повторил Руслан, переставая вращать педали. Это емкое русское словечко постоянно звучало

в доме, хотя общаться здесь было принято исключительно по-чеченски. Все, кому выпала честь обитать в стенах гелхаевского особняка, являлись выходцами из одной и той же маленькой, но очень независимой республики, где, как в Греции, было все... кроме денег. Их приходилось добывать в ненавистой России.

– Там тебя Ник дожидается, дядя, – развязно доложил Ильяс. – Говорит, дело срочное. Заводить его?

– Какой еще Ник? – вкрадчиво спросил Руслан, который, как глава тейпа, не мог допустить, чтобы его тревожили по пустякам. Находишь под ним горячий скакун, а не велотренажер, он бы обязательно привстал в стременах. За отсутствием таковых пришлось просто распрямиться, высвободив из-под живота добрую половину ляжек. Знающие люди, завидя Руслана Гелхаева в столь воинственной позе, непременно рассыпались бы в тысячах извинений и поспешили удалиться, раболепно пятясь, но желторотый Ильяс продолжал как ни в чем не бывало:

– Никита Сундуков, дядя, так его зовут. Он сказал, что у вас назначена встреча. Одет во все фирменное, просто супер-пупер. – Это было произнесено по-русски, поскольку фраза не переводилась на древний чеченский язык.

– Супер-пупер, значит? – переспросил Руслан, тяжело со-скакивая на пол. Шелковая ткань спортивного костюма издавала шуршание, напоминающее то, с каким подкрадывается к беспечной жертве преисполнившаяся ядом змея.

– У-у, не то слово! – воскликнул Ильяс, темпераментно всплеснув руками. – Крутяк. – Восхищенно поцокав языком, он добавил: – Атыпад, полны атыпад!

Племянник продолжал тараторить по-русски, переиначивая отдельные слова на чеченский лад. При этом паршивец ухмылялся до ушей, чуть ли не подмигивая своему разгневанному дяде. Подобная вольность в обращении позволялась далеко не каждому. Во всяком случае, не сопливному юнцу, который пока что проедал больше, чем приносил в общий котел.

– Подойди сюда, мой мальчик, – сказал Руслан, маня племянника пальцем, похожим на волосатую сосиску.

– Да, дядя? – В карих глазах Ильяса промелькнули первые признаки беспокойства. Он послушно сделал несколько шагов вперед, однако вплотную к главе рода приблизится не рискнул, замер поодаль.

– Ближе, – потребовал Руслан.

Для своих шестидесяти лет он находился в неплохой форме, но делать слишком резкие движения все же остерегался, берег суставы, которые к старости сделались туговатыми и непослушными. Стоит возмнить себя по-прежнему молодым, как суставы – щелк! – напоминают о том, что здоровье, в отличие от богатства, с годами не приумножается, а убывает.

– Я слушаю, дядя, – проямлил Ильяс, остановившись на расстоянии вытянутой руки.

Он уже ни капельки не походил на того задорного джейд-рана, каким носился по громадному дому Гелхаева, ловя на себе восхищенные и завистливые взгляды многочисленной челяди. Шелудивый шакал, трепещущий перед грозным барсом, – вот кого напоминал племянник теперь. Может быть, именно поэтому Руслан не наградил Ильяса парочкой заслуженных оплеух. Лишь ухватил его двумя пальцами за нос, хорошенько прищемил и принялся раскачивать его из стороны в сторону, приговаривая:

– Не распускай язык, когда тебя об этом не просят, щенок!.. Будь скромн и учтив, яйцевислый сын безмозглого барана!

– Мой отец не баран! – гнусаво запротестовал Ильяс. Чувствуя, что дядин гнев идет на убыль, он помаленьку осмелел: – Ты не смеешь называть его бараном.

Руслан в глубине души понимал, что перегнул палку, но только усилил хватку, поскольку главе тейпа не пристало признавать собственные ошибки.

– Твой отец, – гудел он, – и мой двоюродный брат был достойным, уважаемым человеком. Он принес нашему роду много пользы. А что сделал хорошего ты, желторотый индюшонок? Кто ты такой, чтобы твякать в присутствии старших, щенок?.. А?.. А?..

При каждом новом восклицании Руслан яростно дергал прищемленный нос племянника то влево, то вправо, так что очень скоро его пальцы сделались липкими. Пришлось

брезгливо вытереть их о футболку Ильяса. Тот покосился на испачканную грудь и заговорил на родном языке, часто шмыгая покрасневшим носом:

– Великодушно извини меня, дорогой дядя, но я хотел как лучше. Этот Ник неспроста явился. Он волнуется и утверждает, что дело срочное, прямо-таки неотложное. А в руке у него сумка, очень большая, вместительная сумка. Вот я и подумал: а вдруг там что-то важное? Вдруг дядя обрадуется известию, которое я ему принесу?

Высказав столь мудрую мысль, Ильяс скромно потупился.

– Да, я обрадовался, – задумчиво произнес Руслан. – Но настоящие мужчины должны сдерживать чувства. Не так ли?

– Так, именно так, – подтвердил Ильяс, ничего не понявший из туманной дядиной речи.

– Поэтому, когда будешь сопровождать гостя, не улыбайся и не трещи, как сорока. – Руслан подтолкнул племянника к выходу. – Никита Сундуков не должен заподозрить, что его тут ждут с нетерпением. Просто спустись вниз и помани его пальцем. Молча.

– Куда его проводить? – посуровел Ильяс. – В столовую? В ваш кабинет?

– Сюда, – распорядился Руслан. – Сумку Никита пусть тащит сам, а ты иди быстро, не останавливайся.

– Понял, дядя. Все будет исполнено в лучшем виде.

– Надеюсь, ты хотя бы с этим поручением справишься, мой мальчик.

– Я с любым поручением справлюсь, – горделиво произнес Ильяс.

– Хочется верить, – сказал Руслан. – Пора бы тебе наконец заняться каким-нибудь полезным делом, мой мальчик. Не то я отправлю тебя на кухню готовить пищу вместе с женщинами. Ты ведь не жалуешься на аппетит, а? Такой молодой, здоровый, кушаешь за двоих, а работать совсем не хочешь. – Руслан снова толкнул племянника в грудь, на этот раз сильнее. – Стыдно! Иди и подумай о том, как жить дальше, чтобы не позорить свой род.

Сам никогда не стыдившийся никого и ничего, Руслан Гелхаев укоризненно покачал головой и вздохнул так тяжело, словно нравственные проблемы были самыми сложными из всех, какие ему приходилось решать в качестве одного из полутора сотен московских авторитетов.

* * *

Оставшись один, он тщательно вытер полотенцем руки, шею и в последнюю очередь разгоряченное лицо. Снял отсыревший спортивный костюм, набросил халат, затянул под мохнатым животом поясок. Вид получился не самый презентабельный, как легко было убедиться, поглядевшись в зеркало. Но кто они такие, эти русские мальчишки-колокольчики, чтобы с ними церемониться? Никита Сундуков наверняка расфуфырен, как павлин, на голове черт-те что и сбоку бан-

тик. Стиль жизни у него такой – выпендриваться. Вот пускай и лезет из кожи вон, стараясь понравиться ему, Руслану Гелхаеву. А он волен принимать просителя так, как ему заблагорассудится. Хоть сидя на унитаза.

– Милости прошу! – крикнул Руслан по-русски, заслышав деликатный стук в дверь.

И тут же повернулся к этой самой двери спиной, делая вид, что полностью поглощен изучением показателей своего велотренажера. Накрутил педали всего на каких-то три километра, а умаялся на все сто, вот такая неутешительная арифметика получалась. Настроение от нее не улучшалось, совсем наоборот. Визитер, возникший за гелхаевской спиной, нерешительно перетаптывался, покашливал, шуршал одежками. Маялся. Это тебе не на дискотеках гарцевать, мстительно подумал Руслан и, выждав еще несколько секунд, обернулся. Лицо его выражало безмерное удивление, радость и восхищение, когда он, попеременно двигая бровями, воскликнул:

– Ай, кого я вижу!

Видел он перед собой не бог весть кого: смазливого заморыша, вырядившегося, как на цирковой манеж. Переливающиеся брючки в обтяжку, маечка-безрукавка сеточкой, сам голыми плечиками поигрывает, а на плечиках – японские драконы, хвост одного из которых заметно смазан.

– Я к вам по делу, господин Гелхаев, – заявило это чудо природы, ставя сумку у порога.

– По делу? – огорчился Руслан. – Что ж, ладно. Будем о делах говорить. В моем доме любое желание гостя – закон.

Плюхнувшись на единственное в помещении кресло, Руслан выжидательно уставился на подрастерявшегося заморыша.

Тому сесть было не на что. Разве что на пол. Или верхом на велотренажер, чего он явно делать не привык.

– Слушаю. – Руслан нетерпеливо шевельнул бровями.

В свою очередь, визитер подвигал челюстью, давая понять, что подобный прием его не слишком вдохновляет.

– Я тот самый Ник, который созванивался с Алханом Шалоевым...

– Знаю Алхана Шалоева. Уважаемый человек. И что же ты хочешь от меня, Мик?

– Я Ник. Вообще-то, меня зовут Никитой, но...

Руслан прищурил один глаз:

– Чего ты хочешь от меня, Ник, которого вообще-то зовут Никитой?

– Ну как же! – Никита занервничал. – Я по поводу плана военной операции.

– Мы тут не воюем, – с достоинством произнес Руслан. – Мы занимаемся бизнесом, платим налоги, немножечко благотворительностью занимаемся. С чем ты явился? Хочешь мне предложить какой-нибудь выгодный коммерческий проект?

– Именно для этого я и приехал, – зачастил облегченно за-

улыбавшийся Никита. – С выгодным коммерческим проектом. У вас деньги, у меня товар. Надеюсь, что, как серьезные мужчины, мы сдержим данные друг другу обязательства.

Руслан покачал головой:

– Извини за прямоту, но в своем наряде ты больше на «голубого» смахиваешь, чем на мужчину. Признайся, зачем ты так одеваешься? Шлюха на панели и та выглядит пристойней, чем ты.

– Я не «голубой», это просто имидж, – пояснил Никита с натянутой улыбкой. – Не зря ведь говорят, что весь мир – театр, а мы в нем всего лишь актеры.

– Кто говорит?

– Точно не помню. Кажется, это высказывание Шекспира.

– А если я тебе скажу, что мир – это один большой сортир, ты тоже станешь повторять мои слова, как попугай?

– Мы отклонились от темы, – заметил Никита, переминаясь с ноги на ногу. – Повторяю: я пришел с деловым предложением.

Руслан одарил его тяжелым взглядом:

– Ну-ну. Предлагай, раз ты такой деловой.

– Пожалуйста. Я принес компьютер с интересующей вас информацией. – Никита пнул ногой сумку. – Платите и забирайте.

– Уж не за лоха ли ты меня держишь, Ник? – сладко улыбнулся Руслан. – Уж не на бабки ли пытаешься развести?

– Как вы могли подумать такое? – ужаснулся Никита. –

Я просто принес то, что было заказано. Знали бы вы, какой ценой мне достался этот чертов компьютер!

– Поговорим о цене позже. Сейчас подключи компьютер и покажи мне информацию, которая в нем хранится.

– Это невозможно.

– Почему? – помрачнел Руслан.

– Доступ закодирован, – пояснил вспотевший Никита. – Нужен специалист, который подберет код и взломает защитную систему. Я предупредил об этом Алхана, он в курсе.

– Мне об этом ничего не известно.

– Как?

– А вот так, – отрезал Руслан. – Есть информация – есть деньги. Нет информации – денег нет.

– Я чувствую, что напрасно пришел к вам, – просипел Никита. Уголок его рта подергивался, словно зацепленный рыболовным крючком.

– Ты правильно чувствуешь, – подтвердил Руслан.

– В таком случае вынужден откланяться.

* * *

Никита уже подхватил сумку и повернулся к хозяину дома спиной, когда властный окрик заставил его вздрогнуть и замереть на месте.

– Стой! Ты думаешь, что можешь уйти просто так, без моего разрешения? Ошибаешься. Достаточно мне пальцем по-

шевелить, чтобы ты в этом убедился. У меня в подвале всегда есть место для тех, кто пытается вести со мной нечестную игру.

— Никто никаких игр не ведет! — воскликнул Никита, стремительно разворачиваясь вокруг своей оси. — Это какое-то чудовищное недоразумение. Не моя вина, что компьютер заблокирован. И в чем вообще проблема? Наймите хакера, он вам за пару часов нужные файлы откроет и выложит.

— Что-что? — Руслан тяжелым коршуном взмыл с места, подлетел к отшатнувшемуся гостю, поймал его за подбородок, притянул к себе. — Что ты сказал? Это я должен хакера-шмакера искать? Это я должен файлами-майлами заниматься? Тогда зачем ты нужен? Кто ты такой?

Он знал, что его покрасневшие глаза мечут молнии, но даже удвоил накал своего взгляда. Он видел, что слетающая с его губ слюна обжигает парализованную жертву, как серная кислота, и потому не убавлял желчности. И дышал чесноком прямо в трепещущие перед ним ноздри. И умышленно утрировал свой кавказский акцент, поскольку ему нравилось коверкать русский язык, ему нравилось пугать людей до смерти, нравилось подчинять и властвовать. Он считал Москву своим городом. Он считал москвичей своими рабами. А почему бы и нет? Наполеона и Гитлера отсюда турнули, а он, Гелхаев, остался. Он жил в русской столице припеваючи и был убежден, что его многочисленные потомки тоже пустят корни именно здесь, а не где-нибудь еще. С каждым годом

их становится в Москве все больше и больше. Чеченско-русская война была выиграна давным-давно, ее победители захватили русскую столицу без единого танка, даже без особого кровопролития. Сознание этого наполняло Гелхаева чувством безграничного превосходства.

– Кто ты такой? – продолжал разоряться он. – Петушок на палочке, вот кто ты такой! Сверну тебе башку собственными руками! Хочешь?.. Хочешь, а?

– Отпустите, господин Гелхаев, – взмолился Никита. – Извините, если что не так ляпнул. Простите.

– Там видно будет, – сказал Руслан, успокоившийся так же внезапно, как вспылil. – Справишься с компьютером, так и быть, ступай на все четыре стороны. А нет...

Умышленно оборвав фразу на середине, Руслан вернулся на место, вальяжно раскинулся в кресле.

Никита откашлялся и окинул тоскующим взглядом тренажеры, словно ища поддержки у этих немых свидетелей своего поражения. Чем они могли помочь в этой ситуации, бездушные, мертвые механизмы? Ровным счетом ничем. Приходилось выкручиваться самостоятельно.

– Я попробую все исправить, – пробормотал Никита.

– Он попробует! – возмутился Руслан, пуча и без того выпуклые глаза, иссеченные кровавыми прожилками. – Принес вещь, а пользоваться ею не умеет. Что за народ? – спросил он у потолка и, не прочитав там ответа, сокрушенно покачал головой. – Несерьезный народ, безответственный. Вот велю

сейчас тебе язык вырвать, балабол, будет тебе наука!

– Господин Гелхаев... – Голос Никиты упал до страстного шепота. – Теперь я понимаю свою ошибку. Но я найду хакера и все улажу, честное слово.

– Почему сразу так не сделал? – строго спросил Руслан.

– Не догадался. – Никита прижал руки к груди. – Дайте мне сутки, и компьютер будет разблокирован. Я ведь не о расторжении сделки прошу, а об отсрочке.

– Не знаю, что у тебя в штанах, – сказал Руслан, устремив взгляд на ширинку собеседника, – но в голове пусто, хоть шаром покати. Кто же тебя отсюда отпустит? – Он сокрушенно покачал головой. – Эх, надо было с самого начала вырвать тебе язык, как я и собирался. Тогда ты не сказал бы то, что сказал. Но слово не воробей, нет. – Набрякшие веки Руслана опустились, скрывая выражение его глаз. – У слов не бывает крылышек.

– Погодите, погодите, – заволновался Никита.

– Что я сказал такого? Отсрочка влечет за собой моральный ущерб. Плюс неустойка. Ты должен мне сто пятьдесят штук баксов, Ник. У тебя есть при себе такие деньги?

– Это нечестно!

– Честно, – возразил Руслан. – Ты не выполнил своих обязательств и поплатился за это. Я бы сказал: пусть это станет тебе уроком на будущее, но не скажу. Потому что у тебя нет будущего, Ник.

Никита дико огляделся по сторонам. Разум отказывался

верить происходящему. Как быть? Где искать деньги? Твои друзья могут хлопать тебя по плечу, давать понюхать «кокс» из заветной трубочки и доверительно сообщать координаты халявных презентаций, но денег не одолжат, тем более – таких денег. Что же получается? Получается амба. Вдруг балаганная музыка смолкает, карусель резко останавливается, и – финита ля комедия. Карнавала нет, карнавал закончился.

Руслан, казалось, читал сумбурные мысли Никиты Сундукова.

– Ну что скажешь, артист? – ухмыльнулся он. – Жизнь – это театр? Нет?

Никита медленно покачал головой:

– Не театр. Скорее, сортир, как вы изволили выразиться. Один огромный общественный сортир, в котором любой может вляпаться в дерьмо.

– Вот! – Руслан воздел палец к потолку. – Кажется, ты начинаешь понимать. А с человеком, который понимает, можно иметь дело. Где ты собираешься раздобыть деньги? Когда? У тебя есть ровно минута, чтобы сказать правду. Время пошло.

Никита пошевелил омертвелыми губами:

– Простите меня, господин Гелхаев. Забирайте компьютер даром, и давайте считать, что никакой договоренности не было. Ради бога, господин Гелхаев...

Приблизившись, Руслан потрепал по щеке обращенное к нему лицо и с притворным участием поинтересовался:

– Ты какого бога имеешь в виду, Ник? Своего? Нашего?
– Все равно какого, – промямлил Никита. – Без разницы.
– Выходит, в бога ты не веришь, нет, – печально заключил Руслан. – Это плохо. Как же я могу доверять твоим словам? – Он пнул сумку. – Может быть, это совсем не тот компьютер, о котором мы договаривались? Может быть, внутри его нет ничего интересного, а?

– Тот компьютер, тот, – заволновался Никита, преданно глядя на чеченца.

– Отключить защиту компьютера сложно? – быстро спросил тот. – Пароли подобрать сложно? Правду говори. Обманешь – пожалеешь, ох, пожалеешь...

– Если честно...

– Честно. Меня обманывать не надо, Ник. Я не люблю, когда меня обманывают.

– В компьютерных программах я не ас, – недолго колебался Никита. – Но у меня есть жена, она в этих делах разбирается. – Он заговорил быстрее. – Я усажу ее за компьютер. Алиса справится. У нее есть некоторый опыт подобного рода.

* * *

Никита Сундуков распинался не менее пяти минут. За это время он едва не вывихнул свои переплетенные пальцы и прикусил нижнюю губу чуть ли не до крови. Вернувшийся-

ся в кресло Руслан Гелхаев принял вальяжную позу, изображая безразличие, которого он на самом деле не испытывал. Ему было очень важно угодить Алхану Шалоеву по прозвищу Черный Ворон. Отряд Ворона контролировал территорию, на которой находились нефтяные скважины клана Гелхаева. Никакой симпатии к этому отморозку Руслан не испытывал, однако, по воле Аллаха, был вынужден не только считаться с Вороном, но и оказывать тому разного рода услуги. Как же иначе? Сегодня ты отказываешься сотрудничать с человеком, запятнавшим свое имя позором, а завтра на твоём подпольном нефтехранилище случается пожар, и тогда вопросы чести отходят на задний план, а первоочередное значение приобретают понесенные тобой убытки. Помогать полевому командиру боевиков небезопасно, но отказывать ему в помощи – это уже безрассудство чистой воды. Обычно просьбы Черного Ворона были не слишком обременительными. Подкинуть денег или оружие. Укрыть в Москве парочку боевиков, приехавших с каким-то заданием. Сбыть миллион-другой фальшивых долларов, присланных из Ичкерии. Поставка Ворону напичканного военными секретами компьютера выходила за рамки обычных взаимоотношений. Руслан никогда не занимался подобными вещами и не хотел брать на себя ответственность. В принципе ничего не мешало найти программиста, способного взломать электронную защиту, расшифровать коды, подобрать нужные пароли. Но что, если овчинка выделки не стоит? Что, если Никита Сун-

дуков спер не тот компьютер? Что, если генерал хранил на нем всякую ерунду, а не важные документы? Нет уж, думал Руслан, пусть Черный Ворон сам разбирается в этой темной истории. Инициатива исходила от него, значит, ему и карты в руки. Руслан просто переправит ему компьютер вместе с живым ключиком. Лучше не придумаешь. Никита Сундуков останется в доме в качестве заложника, а его жена Алиса отправится в Ичкерия.

Как выяснилось из Никитино рассказа, она имела некоторый опыт работы программистом. Более того, она являлась начинающей хакершей. Не так давно Никита влез в долги и упросил Алису проникнуть в операционную систему какого-то банка, чтобы скачать оттуда требуемую сумму. Поначалу она наотрез отказалась участвовать в подобной афере, но после того, как Никита разыграл попытку самоубийства, от ее моральных принципов камня на камне не осталось. Единственное, чего не сумел он, так это заставить Алису действовать быстрее, чем позволяла ее квалификация.

– Однако в конечном итоге она справилась, – закончил Никита исповедь. – Следовательно, не подведет и теперь.

– Девочка тебя сильно любит? – поинтересовался Руслан. – Она ради тебя горы готова свернуть, верно?

– Выходит, так. – Никита скромно потупился.

– А ты ее?

– Безумно, просто безумно.

– Но себя все-таки любишь немножко больше, правда?

– Как вам сказать...

– Никак не говори, – успокоил Руслан напрягшегося охладомона. – Просто позвони своей Алисе и попроси ее срочно приехать сюда. Если она исправит твою ошибку, считай, что я списал половину твоего долга.

– Как, только половину? – дернулся Никита.

– Кредит всегда чего-нибудь да стоит, – пояснил Руслан, массируя колени. – В том числе и кредит доверия. Ты ведь не подведешь меня, Ник? Ты ведь не хочешь, чтобы мое отношение к тебе изменилось в худшую сторону?

– А Алиса? С ней все будет в порядке?

– Главное, чтобы с тобой все было в порядке, верно?

Руслан отвернулся, прекрасно зная, каким будет выбор. В тот самый момент, когда Никита упомянул имя своей жены, он сдал ее, подставил вместо себя. Теперь разыгрывает терзания, чтобы не выглядеть законченным подонком и трусом. Что ж, знакомая поза. В нее становятся почти все, кто предаст своих близких. Главное, делать вид, что ничего особенного не происходит. Дождавшись, пока Никита закончит разговор по мобильному телефону, Руслан поощрительно улыбнулся ему и спросил:

– Ну что, скоро ты познакомишь меня со своей женой?

– Алиса приедет часа через полтора, – поведаль Никита, заламывая пальцы, суставы которых шелкали, как кастаньеты. – Даже не знаю, правильно ли я поступил? Что теперь будет?

– Э, нашел о чем беспокоиться! – Руслан пренебрежительно фыркнул.

– Когда Алиса явится, мы для начала посидим за столом, пообщаемся, познакомимся поближе и... – чеченец хитро прищурился, – и, может быть, даже станем друзьями.

– Друзьями...

– Ну да!

Если бы животные обладали даром речи, то именно так могли бы звучать диалоги некоторых из них. Например, диалог удава с кроликом.

Глава 5

Алиса в зазеркалье

Вечерело, облака на оранжевом небе сделались фиолетовыми, машины на шоссе еще не включали фары, но уже прибавляли скорость, как будто опасаясь оказаться застигнутыми темнотой в пути. Глядеть на мир сквозь лобовое стекло, усеянное следами погибшей мошкары, было неприятно. Напрашивалось невольное сравнение человека с этими козявками, которые среди себе подобных тоже считались сильными, умными, уверенными в себе созданиями. И где они теперь? Только мокрые кляксы от них остались.

«Интересно, что от меня останется? – подумала Алиса и тут же себе ответила: – Вот уж нет, ни капельки неинтересно. Чего мне меньше всего хочется, так это знать, как именно я буду выглядеть после того, как настанет мой черед». Она вздохнула. Водитель внимательно посмотрел на нее в зеркальце заднего вида, проехал пару сотен метров по прямой и неожиданно принял вправо, выводя машину на проселочную дорогу, тянущуюся вдоль лесополосы.

– Пора сделать остановку, – заявил он. – Перекусим, разогнемся немного. Как думаешь, Ильяс?

– Давно пора, – согласился парень, расположившийся на заднем сиденье рядом с Алисой. – Ты как? – спросил он у

нее. – Не против?

– Почему я должна быть против? – равнодушно откликнулась она. – По-моему, все за меня давно решили.

– Умная девушка, молодец, – обрадовался водитель, продолжая зыркать на Алисино отражение. – Я знал, что с тобой не будет проблем.

Ильяс, симпатичный кавказский юноша, поощрительно похлопал девушку по колену:

– Главное, не перечь нам, и все будет хорошо. Доставим тебя заказчику в лучшем виде. Разминка на свежем воздухе еще никому не вредила.

– Какая еще разминка?

– А ты не догадалась? Групповая! – выкрикнул водитель.

Смех, последовавший вслед за этим уточнением, напомнил Алисе истерический хохот африканской гиены из передачи про диких животных. С той лишь разницей, что звук в автомобильном салоне не выключался. От веселящегося водителя нельзя было избавиться, переключившись на другой канал. Все было взаправду. Все было очень и очень серьезно.

– Убери лапу, – потребовала Алиса, обнаружив, что пятерня Ильяса плотно прилепилась к ее коленке. Еще один персонаж мира животных. Нежничаящий павиан. Гамадрил, обуреваемый страстью. – Убери, слышишь, ты, – повторила она, пытаясь разжать пальцы, обхватившие ее ногу.

Вместо того чтобы подчиниться, Ильяс неожиданно запустил руку Алисе под юбку и выругался, когда она стиснула

колени:

– Не строй из себя целку, биляд!

Такой милый чернявый паренек с кроткими оленьими глазами и красиво очерченными губами... До этого момента Алиса находила в нем лишь один изъян: то ли припухший, то ли великоватый от рождения нос. Теперь ее мнение резко изменилось.

– Эй, мы так не договаривались! – крикнула она, стремясь отодвинуться отседающего соседа как можно дальше. – Гелхаев обещал, что меня никто и пальцем не тронет.

– Все правильно, – подтвердил водитель, вырвали на облюбленную прогалину. – Разве кто-то собирается трогать тебя пальцем?

Эта реплика развеселила Ильяс до такой степени, что несколько секунд спустя он уже изнемогал от смеха.

Жизнерадостные Алисе попутчики попались, нечего сказать. Они выкуривали папиросу с анашой примерно каждые полтора часа, так что поводов для веселья у обоих было хоть отбавляй. Корова дорогу перейдет – смешно, велосипедиста обгонят – еще смешнее, беззащитную девушку удалось довести до слез, так это вообще умора.

– Выходи, – сказал Ильяс Алисе, повизгивая от полноты чувств. – Сейчас ты убедишься, что в штанах у меня не палец, нет.

– У меня тоже, – похвастался водитель, пряча ключи зажигания в карман. – Ты как увидишь, так сразу ахнешь. Бу-

дешь до самой старости вспоминать...

В принципе, Алиса знала о существовании группового секса не понаслышке. Когда выходишь замуж за творческую личность типа Никиты Сундукова, нужно быть готовой ко всяким неожиданностям. Например, к тому, что твое сокровище, нанюхавшись кокаину, объявит себя бисексуалом и поведет себя соответствующим образом, путая собственную жену с другом детства. Или вообще предложит разделить брачное ложе с каким-нибудь совершенно посторонним типом, неизвестно почему находящимся в их доме. Надо быть последней идиоткой, чтобы связать судьбу с одним из представителей клубной тусовки, но Алиса поступила именно так, хотя считалась вполне разумной девушкой, неплохо разбиравшейся в программировании и поэзии, симпатичной, целеустремленной, честолюбивой. Честолюбие ее и подвело. Очень уж хотелось ей перебраться из Костромы в столицу. Перебралась. Выскочила замуж за Никиту. Сделала два аборта. Лишилась способности рожать и провинциальных иллюзий. Озлобилась. Зачерствела душой. Приучилась оценивать все с учетом курса доллара. Бежать бы, бежать сломя голову из этого красноречивого Вавилона, да только домой не тянуло. Родители звали обратно, при виде фотографий улыбающегося Никиты плевались, твердили, что связь с ним закончится плохо. Алиса лишь отмахивалась, полагая, что хуже, чем есть, быть не может. Оказалось, еще как может. Это стало ясно сегодня, когда Никита заманил Алису в го-

сти к Руслану Гелхаеву, где фактически продал ее в рабство. Может быть, лишь временно, в это очень хотелось надеяться. Но, учитывая то, как нахально вели себя люди Гелхаева, они уже считали Алису своей собственностью. Безраздельной.

– Выходи, – повторил Ильяс, гарцуя снаружи, как кахетинский жеребец.

Ширинку он успел расстегнуть, и, судя по возбужденному виду, никаких просьб и уговоров слушать не желал. А желал он только одного, желал сильно, сомнений по этому поводу уже не оставалось. Водитель, имени которого Алиса не знала, ловко перегнулся через спинку сиденья и ухватил ее за волосы, приговаривая:

– Ты что, русского языка не понимаешь, сучка? Вылазь. Если вздумаешь упрямиться, дальше в багажнике поедешь, а отдерем мы тебя по-любому, так что не упрямься.

– Пусти, – потребовала Алиса, чувствуя, как на глазах выступают слезы жгучей боли и такой же жгучей обиды. – Я сама.

– Другой разговор, – обрадовался водитель, разжимая пятерню. – Сама – это правильно. Снимай трусы, и всем будет хорошо, все будут довольны.

Но Алиса не оправдала ожиданий чеченцев. Выбравшись наружу, она попятилась, не позволяя наброситься на себя с двух сторон одновременно.

– Ты чего? – обиженно спросил Ильяс. – Договорились же по-хорошему.

– Она хочет, чтобы ее сначала немножечко побили по попке, – сказал водитель, расстегивая брючный ремень. – Я знаю, многие русские девушки это любят.

Ильяс вооружился кое-чем посущественней: уродливым на вид пистолетом, который был направлен Алисе в живот с дружеским пожеланием:

– Раздевайся и иди сюда... Нет, лучше ползи на карачках.

В ее груди стало пусто и холодно, но это было вызвано не только страхом. Теперь к нему присоединилась еще и решимость, то самое безрассудное упрямство, которое заставляет нас побеждать... и идти на верную гибель.

– Как я понимаю, вам невтерпеж, да? – спросила Алиса непривычно звонким голосом.

– Уй, невтерпеж, – признался водитель, приближаясь к ней довольно скованной походкой, вызванной тем, что расстегнутые штаны успели сползти до колен.

– Тогда вам придется трахать друг друга, мальчики, – сказала Алиса с веселой злостью. – Уж не знаю как: поочередно или одновременно.

– Что ты сказала? – Лицо Ильяса перекосилось, а пистолет в его руке опасно задергался. – Ты думаешь, мы с тобой шутки будем шутить?

– Нет, шутить вы больше не будете. – Глаза Алисы превратились в узкие смотровые щели. – Вы вернетесь на свои места, и мы поедем дальше. Тогда я выполню то, о чем попросил меня Руслан Гелхаев. В противном случае я просто

откажусь заниматься вашим проклятым компьютером. Выкручивайтесь сами.

– Ты знаешь, что с тобой за это сделают? – осведомился замерший на полпути водитель.

– Догадываюсь, – кивнула Алиса. – Примерно то же самое, что собираетесь сделать вы. Так что терять мне нечего.

– Ты не догадываешься, нет, – покачал головой водитель. – С тебя в лучшем случае шкуру спустят, а потом на муравейнике плясать заставят. Черный Ворон шутить не любит.

– Я тоже шутить не люблю. Но еще больше я не люблю, когда мной пытаются помыкать всякие ублюдки. Поэтому я сейчас побегу, а ты, – палец Алисы указал на Ильяса, – стреляй из своего пистолета. И объясняй потом Ворону, как вышло, что ты не доставил меня до места назначения. Может, с вас самих шкуру спустят, а? Может, вы сами на муравейнике станцуете?

– Она над нами издевается, – предположил водитель с обиженной миной.

– Она берет нас на понт, эта шлюха.

– Давай проверим. – Алиса заставила себя пренебрежительно усмехнуться. – Попробуйте меня трахнуть, попробуйте убить. А потом посмотрим, кто кого брал на понт. Лично я не блефую. А вы?

Парни переглянулись, обменялись парой чеченских фраз, после чего водитель, сверля несостоявшуюся жертву нена-

видящим взглядом, принялся пристраивать свой ремень на место.

– Садись в машину, – распорядился Ильяс, конопляную жизнерадостность которого как ветром сдуло. – Мы хотели тебя немножечко разыграть, не обижайся.

– Не обижайся, – поддакнул водитель, но, когда Алиса проходила мимо, не удержался и ткнул ее кулаком под ребра. – Тварь!

У нее в глазах потемнело от боли, однако она удержала готовый вырваться наружу стон.

– Еще одна такая выходка, – она распрямилась, держась за бок, – еще одна такая выходка, и наш договор будет расторгнут.

Парни опять залопотали по-своему, после чего водитель занял свое место за рулем, хлопнув дверцей так сильно, что корпус машины еще долго раскачивался на подвесках.

– Смотри, – предупредил Алису Ильяс, забираясь на сиденье. – Если не справишься с делом, которое тебе поручено, я позвоню дяде и попрошу отдать тебя нам.

– Пожалуйста, – буркнула она, забираясь в машину последней. – Только пусть тогда и Никитушка мне компанию составит. Он ведь клялся быть со мною в радости и горести, до гробовой доски.

– Не любишь мужа, а? – прищурился Ильяс.

– Во всяком случае, я его не ненавидела, – сказала Алиса, уставившись в окошко. – А это уже немало.

Ей было не до разговоров на отвлеченные темы. Она вспоминала все, что успела узнать о взломе кодов, и молилась о том, чтобы ничего не перепутать. Мрак, сгущающийся снаружи, выглядел не таким уж беспросветным в сравнении с тем, что творилось у нее в душе и мыслях. Вот где было темно, так уж темно. И лишь один лучик высвечивался в этом темном царстве. Вера в свою звезду.

* * *

Насколько можно было понять из туманных объяснений Руслана Гелхаева, задача Алисы заключалась не во взломе какой-то сверхсложной компьютерной системы, защищенной специальными магнитными картами, ключами или даже биометрическими приборами, считывающими отпечатки пальцев пользователя. Ей предстояло столкнуться с традиционными методами защиты. Взломать два-три пароля, чтобы снять блокировку введенных в компьютер данных, разархивировать их и отключить систему сигнализации. Легко ли это сделать? И да, и нет. Обычно пароль содержит не менее четырех-пяти букв, однако он может включать в себя строчные и заглавные буквы вперемешку с цифрами. Все зависит от изобретательности владельца компьютера. Движимый тщеславием, он мог воспользоваться своей фамилией или датой рождения, и тогда расколоть этот орешек будет парой пустяков. Но если пароль построен на полусловах, на ключе-

вых фразах, на интерактивной последовательности «вопрос – ответ», то придется хорошенько поломать голову... Или за тебя это сделают другие, сказала себе Алиса. Проломят голову тебе и поищут другую, посообразительнее.

Неужели все так серьезно? Не то слово. Серьезней не бывает. Она покосилась на Ильяса, издающего во сне звуки, напоминающие ворчание собаки. Злобный цепной пес, от которого не дождешься пощады. Водитель ничем не лучше, он только и мечтает о том, чтобы Алиса допустила промашку. Но, даже если у нее все получится, то где гарантии, что ее отпустят с миром, даже не изнасиловав на прощание? Мало ли что обещал Руслан Гелхаев в перерывах между тостами. Он остался далеко, в Москве, а машина с каждым километром приближается к дикой Чечне, где свои понятия о чести и справедливости. «Это бог меня наказал, – уныло подумала Алиса, замороженно следя за сиянием встречных фар. – Не нужно было ввязываться в темные махинации, идя на поводу у Никиты». Мало того, что он ее на преступление толкнул, уговорив скачать деньги с чужого электронного счета, так он же ее чеченцам продал. Вот она, черная неблагодарность. Теперь Никита небось в каком-нибудь клубе развлекается, а Алиса катит неведомо куда в сопровождении двух бандитов, готовых разорвать ее на части при первой возможности. Они злопамятны и коварны. Не слишком ли грубо она их отшила? «Жалеешь? – ехидно спросил внутренний голос. – Боишься, что тебе твою несговорчивость припомнят? Ну, так

не все еще потеряно. Разбуди Ильяса и попроси прощения. Скажи, что готова загладить свою вину. Он и его напарник долго уговаривать себя не заставят, они над тобой сжалются. Вот только ублажать их придется не раз и не два, и обращаться с тобой станут, как с половой тряпкой».

– Ни за что, – прошептала Алиса сквозь стиснутые зубы.

– Что ты сказала? – встрепенулся Ильяс. Водитель с интересом уставился в зеркало заднего обзора и предположил:

– Она, наверное, передумала. Хочет попросить нас сделать еще одну остановку. Потом ведь будет поздно.

– Ты за дорогой следи, – посоветовала ему Алиса. – Попадём в аварию – с тебя спросят. Дело ведь срочное?

– Спрашивать с тебя будут, сука, – осклабился Ильяс. – Ты просто не знаешь, что за человек Черный Ворон. Он оправданий слушать не станет. Не сумеешь компьютер взломать, тебя саму на запчасти разберут, до последнего винтика.

Вот те на! Этот чеченец, проживающий не в горах, а в центре Москвы, похоже, убежден, что Алиса станет колдовать над компьютером с помощью отвертки или каких-нибудь хитроумных отмычек. На самом деле ее единственными инструментами будут собственные пальцы, бегающие по клавиатуре. Если код состоит из случайной последовательности символов, то это еще полбеды, пальцы до кровавых волдырей не сотрешь. Гораздо большую сложность представляют собой полуслова, созданные даже не человеком, а процессором. Ты придумываешь легко запоминающийся

пароль, к примеру, «секрет», а компьютер превращает его в маловразумительное «секр.,1DYWnt», и разгадывать такую головоломку очень утомительно. Еще хуже иметь дело с ключевыми фразами, которые легко запоминаются, но зато плохо угадываются человеком, понятия не имеющим, о чем идет речь. Допустим, владелец увлекается творчеством Сэлинджера, допустим, ему ничего не стоит воскресить в памяти строчку «Cat– cher in the rye», но посторонний мозги набекрень свернет, пока догадается, что за фраза применена в качестве шифра. Тем более, если из нее будет составлен акроним, когда в пароле задействуются лишь первые буквы слов: «citr»...

Алиса вздрогнула, выведенная из задумчивости голосом водителя.

– Через полтора часа будем на месте, – объявил он через плечо. – Там нас встретят люди Ворона, дальше тебя поведут пешком. Не вздумай, сука, кому-нибудь жаловаться по пути.

– Она не станет, – томно произнес Ильяс, успевший прикурить очередную дурманящую папироску. – Мы ведь можем все так повернуть, что она сама виновата останется. И вообще, надо было ее шлепнуть при попытке к бегству. – Сделав несколько коротких быстрых затяжек, он задержал дым в легких и добавил сдавленным голосом: – Еще не поздно.

– Так давай! – воскликнул водитель, сбрасывая скорость. – Ты это хорошо придумал. Отдерем ее по первое чис-

ло, а потом шлепнем. Совместим приятное с полезным.

На протяжении двадцати томительных секунд Алиса сидела ни жива ни мертва, ожидая окончательного приговора. Он не последовал. Затянувшись еще раз, Ильяс закрыл глаза и пробормотал:

– Ну ее на хер. Успеется.

– Ладно, тогда я в обратную дорогу бутылку шампанского захвачу, – пообещал водитель. – Даже две.

– Побереги денежки, – сказала ему Алиса. – Меня спойть не удастся, не надейся.

– А кто тебя собирается спаивать? – вяло удивился Ильяс. – Бутылки тебе между ног загоним, по одной в каждую дырку.

– Но не сразу, – мечтательно произнес водитель, – не сразу.

– Еще одна острота подобного рода, и я выпрыгну на ходу, – сказала Алиса, встретившись взглядом с отражением его глаз.

– Молчу, молчу, – быстро сказал он, изобразив на лице улыбку, самую фальшивую из всех, какие когда-либо доводилось видеть Алисе.

«Нужно будет потребовать у Черного Ворона, чтобы обратно меня отвезли другие люди, – подумала Алиса. – Он не откажет мне, если я оправдаю его надежды. Только бы память не подвела да знаний хватило. Опыт тут не поможет, его почти нет, опыта. Есть лишь теория, которую предстоит

применить на практике». Пользуясь тем, что конвоиры оставили ее в покое, Алиса опять напрягла память, выуживая там сведения, от которых зависела ее жизнь. Не приведи господь столкнуться с кодировкой, построенной по принципу «вопрос – ответ». Ты пытаешься открыть документ, а компьютер просит назвать девичью фамилию троюродной сестры владельца, вышедшую впоследствии замуж за его киевского дядьку, и ты садишься в калошу. Иногда компьютер с коварством иезуита сам предлагает несколько вариантов ответов, устраивая своеобразную викторину. Делаешь ошибку, и перед твоими глазами всплывает ехидная надпись: «Ответ неверный. В доступе отказано». Для Алисы это будет равносильно смертному приговору. Казнить, нельзя помиловать. Она незаметно вытерла вспотевшие ладони об юбку, приказывая себе: «Не смей раскисать, не смей, не смей!» Владелец компьютера совсем не обязательно пошел по сложному пути. И гении, и безнадёжные тупицы одинаково теряются, когда надо принимать быстрые решения. Как только компьютер впервые запрашивает пароль, владелец, вместо того чтобы погрузиться в долгие раздумья, выдает первое, что приходит на ум. Так что пароли, как правило, создаются впопыхах, а менять их потом лень. Таким образом, ключевые фразы и слова извлекаются из мыслей, которые плавают на поверхности сознания: о себе, любимом. Даты рождения, знаки Зодиака, имена родственников и сожителей – вот обычный набор слов, из которых составляются пароли.

Алиса попыталась представить себе человека, сидящего за компьютером. Лишь бы он не оказался малограмотным. Ты уже почти разгадал слово, ты подставляешь нужные буквы, а компьютер снова и снова отвергает твои варианты ответа. Почему? Да потому, что какой-то кретин написал «Iwanoу» вместо «Ivanov». На выяснение этого можно потратить кучу времени, а ведь Алиса будет работать не в тиши кабинета. Скорее всего, за ее спиной поставят какого-нибудь бородатого горца с кинжалом, который станет дышать в затылок и флиртовать на свой манер... с расстегнутой ширинкой. «Боже мой, боже мой, – подумала Алиса с отчаянием. – Куда же ты вляпалась, дура бестолковая? Твоя жизнь зависит от сочетания клавиш, а их бесконечно много, миллионы, может быть, даже миллиарды. Можно потратить годы в поисках одного-единственного слова, но их у тебя нет, хакерша доморощенная. День, два от силы. А потом?» «Суп с котом», – прошептал внутренний голос.

Не самый скверный сюрприз, который может преподнести судьба. Конечно, если в качестве кота не сварят заживо лично вас.

Глава 6

Отдых до полного изнеможения

– Ты опять ругался во сне, – печально сообщила Лиза. – Опять с кем-то воевал?

– Сильно ругался? – любопытствовал закинувший руки за голову Бондарь.

– Ужас как сильно. Уши в трубочки свернулись от твоего мата.

Лиззи уже вполне освоилась в роли супруги сотрудника российских спецслужб и выражалась как русская. Возвращение в Москву пошло ей на пользу, она быстро избавилась от замашек, которые так раздражали Бондаря в Париже. Однако сам он по-прежнему не находил себе места. Даже в родных стенах, которые перестали быть такими уж родными.

Его супермягкая подушка валялась на полу, а дивная персиковая простыня свилась в жгут, как будто с ее помощью намеревались совершить побег. Куда? Откуда? Бондарь находился дома, а не в тюрьме. Почему же так тошно ему было в последнее время, почему так муторно?

Все дело в ремонте, которому подверглась квартира во время свадебного путешествия. Совершенно преобразившаяся, вылизанная, выхолощенная, сверкающая неземной чистотой космического корабля, парящего в безвоздушном

пространстве. Чужая мебель, масса бесполезной электроники, дурацкие безделушки. Это была золотая, очень комфортная и красивая клетка, но все равно клетка. Лежащая рядом с Бондарем женщина чувствовала себя здесь как дома. Ему же казалось, что он находится в гостях.

– Я так и не спросил, в какую сумму обошлось все это великолепие, – буркнул Бондарь, обводя взглядом спальню.

– Пусть тебя это не волнует, – таинственно улыбнулась Лиззи. – У меня солидные сбережения. Их еще надолго хватит.

– Жаль.

– Что в этом плохого?

– Никогда не думал, что перейду на содержание к иностранке.

– Во-первых, – прищурилась Лиза, – я полноправная россиянка. Во-вторых, мы полноправные супруги. У нас теперь все общее, не так ли?

По лицу Бондаря было заметно, что его мысли витают где-то далеко отсюда.

– Помнишь, как пахло море во время урагана? – спросил он.

– Конечно, – помрачнела Лиза. – Это был ужасный шторм. Мы с тобой чуть не утонули.

– Ветер, волны, простор... Не то что здесь.

Бондарь повернулся к распахнутому окну, откуда тянуло утренней прохладой, липовым цветом и бензиновой гарью.

– Если хочешь, можем совершить еще одно путешествие, – предложила наблюдающая за мужем Лиза. – К океану, например.

– Хватит с меня подобных вояжей, – отрезал Бондарь. – Надоело.

– Может быть, и я тебе надоела?

Лиза приподнялась на локтях. Простыня прикрывала лишь ее бедра, да и то условно. Якобы целомудренный жест лишь усугубил ситуацию. Почти полностью обнаженная Лиза смотрела на Бондаря и ждала. Он поскреб колючий подбородок, откликнувшись на это движение сухим наждачным шорохом, и поинтересовался:

– Ответ давать в письменной форме?

– Устно. Между прочим, я уже почистила зубы.

– Между прочим, я еще нет.

Бондарь встал, потянулся и отправился в ванную комнату. Вид у него при этом был унылый. Словно ожидал его не бурный утренний секс с красивой женщиной, а опостылевшая рутина.

* * *

Между словами «хочется» и «надо» пролегает целая пропасть. Ее приходится преодолевать ежедневно, иногда неоднократно. Часто даже не замечая этого. Буднично так, без всякой патетики. К примеру, ты цедишь по утрам оранжад

или йогурт, хотя с гораздо большим удовольствием опрокинул бы пару кружек пива. Принимаешь участие в обсуждении всяких финтифлюшек, возникающих в квартире как по мановению волшебной палочки. Обедаешь в ресторанах, ужинаешь в романтической обстановке при свечах, завтракаешь в постели с дурацким подносом на ногах. После чего сжигаешь излишек калорий в той же постели единственным доступным тебе способом. Не отталкивать же ту, которая посвятила себя тебе, посвятила целиком и без остатка? Тогда отвечай ей взаимностью и не забывай при этом радостно скалиться, будто всю жизнь только и мечтал о подобном времяпрепровождении.

– Задание понял? – спросил Бондарь у своего зеркального двойника.

– Так точно, – угрюмо отрапортовал тот.

– С такой рожей, – сказал Бондарь, – не женщин убаживать, а диких собак динго распугивать. Ну-ка, улыбнись, капитан.

– Так? – осведомилось отражение.

– Больше энтузиазма!

– Так?

– Сойдет, – кивнул Бондарь, пустил воду погорячее и принялся намыливать щеки.

Лизе нравилось, когда он был гладко выбрит. Правда, ей нравилось также, когда он кололся щетиной. Она любила Бондаря всякого – веселого и мрачного, спящего и бодрствующего, ласкового и сердитого. Он был для нее не просто му-

жем. Он заменил ей прошлое и будущее, поскольку ради него Лиззи Браво отказалась от великой американской мечты. Если разобраться, то Бондарь не сожалел о том, что взял ее в жены. Его угнетали лишь кредитные карточки, посредством которых Лиза устраивала их судьбу. А еще больше угнетало сознание того факта, что он, российский офицер, не имеет возможности взять инициативу на себя. Денег, которые платили Бондарю на Лубянке, не хватило бы даже на установку пластиковых окон, не то что на евроремонт, оплаченный Лизой. Вот почему улыбаться становилось с каждым днем все труднее. Скорей бы на работу, чтобы не чувствовать себя попавшим в вечный цейтнот. Раны, травмы и ожоги, полученные Бондарем во Владивостоке, давно зажили, так какого же черта его заставляют жить в тепличных условиях? Будь прокляты эти идиотские термины: адаптация, реабилитация, релаксация...

– Мастурбация! – сердито произнес Бондарь, возвращаясь в спальню.

Лиза успела не только избавиться от простыни, но и приготовить кофе, аромат которого был настолько же восхитителен, насколько обманчив.

– Разумеется, без кофеина, – констатировал Бондарь, не спеша развалиться на кровати в позе римского патриция.

– Разумеется, – подтвердила Лиза. – Мы должны заботиться о своем здоровье.

– Я терпеть не могу эту бурду! – заявил Бондарь, упер-

шись кулаками в бока, обмотанные полотенцем.

– Хорошо, – прозвучало в ответ, – перейдем на настоящий кофе.

– И ресторанная пища у меня в печенках сидит!

– Я учусь готовить, – тихо произнесла Лиза, – ты же знаешь.

– А если ты все-таки купишь тот дурацкий сиреневый «фиатик», на который положила глаз, – громыхал Бондарь, – то не жди, что я подойду к нему ближе, чем на десять шагов!

– Хорошо. – Чем громче звучали упреки, тем тише становился голос поникшей Лизы. – Никаких «Фиатов». Я могу ездить на метро. Я все могу, Женя. – Она вскинула взгляд, в котором не было обиды, а была только готовность услужить. – Между прочим, сегодня на ужин у нас пирожки.

– Какие пирожки? – остоленел Бондарь.

– Настоящие. С капустой и картошкой. А завтра я собираюсь клеить... лепить пельмени. – Лиззи поджала ноги к подбородку и обхватила их руками. – Потерпи немного. Не так легко поменять прежний стиль жизни на новый. Но я стараюсь, я изо всех сил стараюсь. Мне просто нужно время.

– Чего-чего, а этого добра у нас навалом. Море времени.

– Мне оно нравится, – робко призналась Лиза. – В нем невозможно утонуть.

– Ты так считаешь? – усмехнулся Бондарь, отбрасывая полотенце.

Его голос смягчился, хотя убежавший в сторону взгляд не

позволял определить, насколько потеплели его глаза. Лиза и не пыталась. В такие моменты она теряла способность анализировать и вообще мыслить рационально. Да и можно ли требовать этого от влюбленной до потери памяти женщины?

Глава 7

Алиса в стране чудес

С тех пор как Алиса вышла из остановившейся машины, произошло так много событий, что они не укладывались в голове. Она понятия не имела, где именно очутилась, в блин-даже или в землянке, да и какое это имело значение? Как подземную нору ни назови, она от этого краше не станет. Особенно, если у тебя нет уверенности в том, что ты когда-нибудь выберешься из этой берлоги на свет божий. Здесь царил сумрак, пахло сырой землей и немытыми мужскими ногами. Вместо кроватей стоял сплошной деревянный настил с разложенными на нем тюфяками. На них здесь спали вповалку, они были набиты сеном. Навострив уши, можно было услышать, как внутри тюфяков беспрестанно шуршат какие-то насекомые, может быть, даже мыши. В любой другой день они навели бы на Алису страх, но сегодня она их не боялась, ни тех, ни других. В этом мире водились существа пострашнее мышей и тараканов. Эти существа разговаривали на чеченском языке, расхаживали с автоматами наперевес, глядели на Алису, как на свою законную добычу, и прятали ухмылки под густой растительностью, покрывающей их лица. Она находилась в горах. В самопровозглашенной республике Ичкерия. Расстояние отсюда до Моск-

вы измерялось не сотнями километров и даже не тысячами. Миллионы световых лет пролегли между двумя этими точками земного шара. А у Алисы не было машины времени, чтобы перенестись обратно. И землянка, в которую чеченцы проводили девушку, перемигиваясь, пересмеиваясь, норовя залезть ей под юбку, напоминала могилу. Слишком большую могилу для маленькой, одинокой, напуганной жертвы. Склеп, провонявший грязными ногами будущих убийц Алисы. Она осторожно втянула воздух ноздрями и подумала, что собственный запах ей тоже не слишком нравится. Как много отдала бы она за возможность очутиться дома, в своей ванной комнате, омываемая струями душа, окутанная ароматом шампуня... Вдали от этих простых благ цивилизации Алиса мгновенно превратилась в неопрятную замарашку, волосы которой торчали как пакля, а ногти на руках очерчивала траурная кайма. Ничего удивительного. Если городскую девушку всю ночь напролет гнать бегом через заросли, по всяким косогорам да лощинам, не позволяя перевести дыхания, то она неизбежно утратит лоск, которым привыкла гордиться. После подобного путешествия ей, этой несчастной девушке, просто необходимо привести себя в порядок. То, что такой возможности не было, окончательно добивало Алису. У нее отобрали сумочку, в которой хранились так необходимые каждой женщине вещи, а когда ранним утром, на подходе к лагерю она попросила вернуть ей хотя бы щетку для волос, один из конвоиров дружелюбно сказал ей:

– И так сгодишься. У нас тут даже горная козочка – красавица. А уж ты... – Не договорив, он чмокнул губами и закатил глаза под лоб, как припадный, который вот-вот начнет пускать пену изо рта.

– Но мне необходимо причесаться! – воскликнула Алиса, чувствуя, что находится на грани истерики. – Я не могу ходить с такими космами на голове.

– Какие космы, зачем? – удивился второй конвоир, совсем юный паренек, похожий на пастушка из какой-нибудь доброй детской сказки. – Очень хороший прическа, очень красивый.

– Это прическа? – крикнула Алиса. – Это?

Она, чуть не плача, принялась ерошить свои и без того спутанные волосы, пытаясь вытрясти из них сосновые иголки, клочья паутины и всякий лесной мусор, но слезы застыли в ее глазах замороженными капельками, когда она услышала:

– Еще раз заорешь, я тебе прикладом все зубы выбью. – Это произнес первый конвоир, с физиономией немолодого Бельмондо, ни разу в жизни не побывавшего в бане или парикмахерской и к тому же начисто лишенного знаменитого французского шарма.

– А волосы все равно лучше сбрить, – рассудительно заметил юный пастушок, усевшийся на корточки так, чтобы можно было беспрепятственно заглядывать под юбку заложницы. – Тогда вошки не заведутся.

– Во... вошки? – Руки Алисы упали плетями.

– Ага, – подтвердил юнец, небрежно сплевывая. – У кого волосы чересчур чистые – тому беда. Вошки таких за версту чуют.

– Главное, чтобы у нее мандавох не было, – рассудительно сказал второй конвоир, ожесточенно почесывая свою дремучую бороду. – Эй, девка, у тебя мандавох нет?

– У меня СПИД, – заявила Алиса, изо всех сил стараясь придать своему голосу как можно больше убедительности. – Третья стадия, – добавила она, понятия не имея, существуют ли у этой болезни какие-то стадии и чем они характерны.

– Мне твой СПИД во! – Бородач небрежно щелкнул пальцами по ширинке своих грязных штанов. – Мне главное, чтобы не чесалось.

– Вот что, немедленно ведите меня к своему командиру, – потребовала Алиса, не желая беседовать на сексуальные темы с двумя вооруженными чеченцами.

– Ты только с командирами трахаешься? – осклабился бородач. Зубы у него были коричневые, как будто принадлежали не живому человеку, а скелету, долгие годы пролежавшему под открытым небом. Его сходство с Бельмондо моментально улетучилось.

– Ты не переживай, тебе у нас будет хорошо, – заверил Алису юнец с едва прорезавшимися усиками. – Напоим, накормим.

– Уж я накормлю-у, – многообещающе протянул бородач, снова огладив свою засаленную ширинку жестом удалого ба-

лалаечника.

– Подонок! – возмутилась Алиса. – Тоже мне, герой-любовник нашелся!

– Я предупреждал, – сказал бородач, прежде чем ударить ее по губам. Не автоматным прикладом, правда, а жесткой, как деревяшка, ладонью, но легче от этого не было. Теперь, когда Алиса проводила языком по верхним резцам, ей казалось, что они шатаются, а во рту ощущается тухловатый привкус крови.

Но почистить зубы не представлялось возможным. У посаженной в землянку Алисы не было ничего, кроме той легкой одежки, в которой она приехала в гости к Руслану Гелхаеву. Маечка на тонюсеньких бретельках, босоножки да розовая юбчонка, едва прикрывавшая трусики. Проклятый Сундуков, которого она называла теперь только по фамилии и никак иначе, даже словечком не намекнул жене о том, в какое далекое, в какое опасное путешествие она отправляется. Ей не позволили заехать домой за вещами, пообещав, что обеспечат всем необходимым, наврали с три короба, усыпили бдительность, навязали свою волю. Каждый шаг по этой скользкой дорожке был роковым, каждый шаг приближал Алису к той пропасти, на дне которой она очутилась. Отсюда не было выхода. В конце этого тоннеля не мерцал свет. «Все пропало? Нет, – подумала Алиса, – не все. Пропала только ты, дурочка. Весь мир продолжает существовать, он живет своей жизнью, как ни в чем не бывало, но тебя в нем нет».

Она убрала волосы с лица и огляделась, словно надеясь обнаружить выход из тупика, в который ее загнали. Помимо деревянного настила с тюфяками, в землянке имелись ящики, заменяющие стол. Небрежно очищенный от объедков и всякого мусора, он служил помостом для старенького «Пентиума», снабженного облупленной клавиатурой, такой же неприглядной «мышкой» и на удивление современным монитором, плоским, почти белоснежным, с большим экраном. Компьютер не работал, хотя все его провода были вставлены в соответствующие гнезда и подключены к переносной розетке с тройным разъемом. Электрический ток подавался по шнуру, исчезающему в отверстии под потолком. Хорошо бы на нем удавиться, подумала Алиса, продолжая осмотр своей мрачной темницы. Стены землянки украшали глянцевые страницы порнографических журналов. Кукольные личики красоток, их силиконовые бюсты и подбритые лобки были изуродованы круглыми дырочками, в которых угадывались пулевые отверстия. Кто-то имел обыкновение расстреливать девиц перед сном, а может, поутру, для повышения жизненного тонуса. «Интересно, – вяло подумала Алиса, – сколько времени пройдет до того момента, когда и со мной сотворят нечто подобное, поставив к стенке? И будет ли это самым страшным из всего, что мне предстоит пе-

режить в этой вонючей норе? На одном из этих тюфяков, набитых травяной трухой, кишасей паразитами. Под улюлюканье обитателей землянки, ни один из которых не откажет себе в удовольствии отыметь беззащитную русскую девушку». Одно ужасное унижение Алиса уже пережила, и воспоминание о нем до сих пор обжигало ее изнутри. Настолько сильно обжигало, что, прикоснувшись пальцами к щекам, можно было ощутить, как они полыхают лихорадочным жаром. А сколько впереди подобных испытаний?

Сколько может девушка выдерживать нарастающую тяжесть в мочевом пузыре? Час, два часа, десять? Все зависит от того, как долго она сумеет терпеть жажду. Алиса посмотрела на упаковку полуторалитровых бутылок с минералкой, оставленную заботливыми чеченцами возле ящиков с компьютером. Да, водой ее снабдили на много суток вперед, но прикасаться к ней было опасно. Не потому, что вода была отравленной, нет, дело вовсе не в этом. Просто, утолив жажду, человек начинает испытывать другую физиологическую потребность, противоположную. Именно это произошло с Алисой вскоре после прибытия в лагерь боевиков... Доставившие ее конвоиры смешались со своими братьями и все вместе лениво переговаривались на чеченском языке, не забывая разглядывать гостью глазами изголодавшихся дикарей, впервые увидевших стриптизершу. Выносить эти взгляды было все равно что стоять на сильном сквозняке, от которого кожа покрывается пупырышками, а соски затвердева-

ют настолько, что рельефно выделяются под тонкой тканью маечки. Стараясь прикрывать грудь то одной рукой, то другой, Алиса напилась предложенной родниковой воды, от которой сразу заломило зубы, и застыла на поляне, глядя поверх косматых голов возбужденной публики. Она надеялась, что вскоре появится тот самый Черный Ворон, к которому ее направили, и уведет ее подальше от своего живописного воинства. Возможно, он обойдется с ней не так, как обошелся бы принц крови с заблудившейся в его владениях незнакомкой, но оказаться во власти вожака все же лучше, чем чувствовать себя добычей целой волчьей стаи. Так думала Алиса, еще надеясь, что сравнение со стаей – лишь образ. Она не знала, что чеченские боевики зовут себя нохчами, то есть волками. Она просто дожидалась Алхана Шалоева по кличке Черный Ворон, рассчитывая на его покровительство, уже почти готовая стать его наложницей. И вскоре он вышел на поляну, сухощавый, смуглый, чернобородый, с зеленой повязкой на голове. Напыщенный и важный, словно эмир, наслаждающийся восхищенными взглядами своих подданных. Обойдя вокруг Алисы, как вокруг невиданной доселе кобылки, он покровительственно потрепал ее по щеке и произнес по-русски:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.